

Энно Э. Крейе

ПОЛИТИКА МЕТТЕРНИХА

Германия
в противоборстве с Наполеоном
1799—1814

Энно Эдвард Крейе
Политика Меттерниха. Германия в
противоборстве с Наполеоном. 1799-1814

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612895

*Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799—1814 гг. / Пер. с англ.
Л.А. Изгоровского: Центрполиграф; Москва; 2003
ISBN 5-9524-0083-3*

Аннотация

Уникальная книга Энно Эдварда Крейе — известного писателя-публициста, профессора истории университетов Вирджинии, Кентукки, Северной Каролины.

Автор освещает основные этапы противоборства с Наполеоном выдающегося австрийского министра иностранных дел Клеменса Лотара фон Меттерниха на фоне исторической картины, сложившейся в Европе в конце XVIII — начале XIX века. Знакомит с основными фактами жизни и деятельности блестящего политика, чей талант к интригам и гибкая дипломатия в немалой мере влияли на развитие политической ситуации времен распада рейха и раздела третьей Германии.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Энно Эдвард Крейе

Политика Меттерниха.

Германия в противоборстве

с Наполеоном. 1799–1814 гг

Предисловие

Эту книгу не следует считать попыткой объяснить происхождение нацизма или пособием по разрешению дипломатических проблем на основе уроков, преподанных «профессором» Меттернихом. Возможно, эти уроки и представляют для нас некоторую ценность, но не они побудили меня написать эту книгу. На самом деле исследование появилось на свет в результате изучения деятельности Германского союза. Два соображения обусловили то, что труд, предпринятый вначале для отображения истории развития государственного образования, превратился вместо этого в анализ политики в отношении Германии известного австрийского министра иностранных дел. Первое соображение состоит в обнаружении того факта, что для написания взвешенной истории Германского союза необходимо чрезвычайно кропотливое изучение многих специальных вопросов. Другое соображение заключается в осознании того, что при описании государственного образования исследователя подстерегает опасность наделить онтологической реальностью абстрактные понятия и представить свои личные ценностные установки более важными, чем установки деятелей исследуемого института. Изучая Германский союз в рамках категорий: государство и общество, раздробленность и единство, тяга к прошлому и либеральные реформы, – я обнаружил, что цепляюсь за проблемы, которые мало занимали Меттерниха, Штайна, Харденберга и других государственных деятелей того времени. Понимание их амбиций и мотивов деятельности – предпосылка объективного исторического исследования Германского союза, и, поскольку роль Меттерниха в союзе была преобладающей, внимание должно было быть обращено прежде всего на эту историческую фигуру.

Сначала казалось целесообразным начать изучение предмета с Венского конгресса, на котором было провозглашено образование Германского союза. В дальнейшем, однако, обнаружилось, что политика Меттерниха в отношении Германии настолько связана с эпохой Французской революции и Наполеона, что следует начать труд отсюда.

Потребность в изучении политики Меттерниха в отношении Германии после Венского конгресса ощущалась давно. В сравнении со скудным освещением этого исторического периода в целом материал, составивший содержание этого тома, довольно основательно разрабатывался прежде. Тем не менее литература об эпохе Наполеона касалась политики Меттерниха в отношении Германии лишь эпизодически, помещаясь между историей дипломатии общего характера и специализированными монографиями по сугубо частным проблемам. При всем том, что Меттерних пользуется славой блестящего дипломата, ни его дипломатия как искусство, ни его влияние на решение крупных региональных проблем не освещались с такой скрупулезностью, как, например, деятельность Наполеона или Каслри. Многообещающее начало изучению Меттерниха было положено в конце XIX века, когда были открыты европейские архивы того периода. Это дало возможность таким беспристрастным ученым, как Адольф Беер, Эдуард Вертхаймер, Август Фурнир, Вильгельм Онкен и Федор фон Демелич, создать монографии и опубликовать документы, которые остаются до сих пор основой исследовательской работы на эту тему. Но смерть оборвала жизни мно-

гих ученых старого времени, а Первая мировая война прервала деятельность других исследователей.

Война нанесла ущерб и в другом отношении: она побудила рассматривать историю XIX столетия с точки зрения политических и идеологических споров XX века. Так, Вильтор Библ в своей книге «Меттерних, демон Австрии» (Вена, 1936) вместо объективных оценок, естественно ожидаемых с течением времени, вернулся к прежней практике обвинения Меттерниха во всех несчастьях Австрии, включая катастрофу 1918 года. Таким же образом многие немецкие писатели стали обвинять Бисмарка в крушении Германии. Генрих Риттер фон Србик, сменивший Фурнира в качестве ведущего историка Венского университета, творчески откорректировал наши представления о политических и социальных установках Меттерниха, но он перенес акцент с дипломатических на философские взгляды этого деятеля. Позже Србик способствовал тому, что изучение Меттерниха было оживлено спорами вокруг Великой и Малой Германий, которые прежде почти угасли. С точки зрения науки великогерманские доктрины, популярные в нацистском рейхе, стали причиной того, что был перенесен акцент с Пруссии прежнего времени на эти доктрины, и это способствовало написанию учеными умеренных взглядов порядочного числа ценных монографий и источниковедческих работ, которые в иных условиях могли и не появиться. Тем не менее запальчивый тон этой литературы и наблюдаемая в ней тенденция рассматривать эпоху Меттерниха с точки зрения интересов XX века помешали выполнению обещаний историков, принадлежащих к школе Фурнира.

В целом литература, затрагивающая прямо или косвенно политику Меттерниха в отношении Германии, огромна, и ряд тем разработан исчерпывающим образом. Несколько глав, касающихся роли Меттерниха в войне 1809 года, опирается в первую очередь на парламентские, имперские и государственные архивы в Вене, в иных случаях я пользовался опубликованными документами и соответствующей литературой, в отличие от второго тома, где с источниками дело обстояло иначе.

Нельзя сказать, что моя задача ограничивалась просто объединением фрагментов текста из различных работ, как это бывает при составлении картинок-загадок. Наоборот, с образованием картинки часто обнажаются формы и цвета, незаметные в отдельных фрагментах. В результате, хотя я и пользовался с благодарностью фактами, добытыми другими учеными, мне приходилось все-таки вносить коррективы в их работы. Мой метод – в той степени, в какой я допускал его несовпадение с привычными канонами исторической науки, – заключался в том, чтобы сознательно, скрупулезно и вразумительно следовать хронологии событий, а это, в свою очередь, требовало главным образом повествовательного стиля изложения. Не соглашусь, однако, с утверждениями, что такому методу недостает аналитичности. Истина состоит в том, что абстрактные рассуждения – которые невозможно выразить в повествовательной форме и нельзя перепроверить последовательностью событий, – более отвечают интеллектуальным наклонностям историка, чем объективная интерпретация исторических фактов. Немаловажно и то, что повествование включает в себя не просто внешние действия, но также их внутреннюю подоплеку, а также душевное состояние исторических персонажей.

Это замечание адресуется в качестве весьма запоздалого объяснения многим моим друзьям, коллегам, издателям и спонсорам, которые в последние годы потихоньку прекращали спрашивать о моем продвижении в работе. Благодарю всех их за терпение и внимание ко мне. Но особую радость я испытываю в связи с тем, что могу наконец выразить делом свою благодарность фонду Фулбрайта и ученому совету фонда имени Джона Симона Гугенхайма за финансирование моих командировок в Австрию в 1952—1953-м и 1960—1961 годах, позволивших мне завершить исследовательскую работу в Вене. Без их участия я никогда не узнал бы великодушного гостеприимства и услуг знаменитого Государственного архива

Австрии. За это мне хотелось бы поблагодарить генерального директора Хофрата доктора Гебхарта Рата и его экспертную группу. Такую же благодарность я выражаю Национальной библиотеке Вены, Институту истории Венского университета, Библиотеке конгресса США, а также библиотекам университетов штатов Кентукки, Миннесота, Техас и Вирджиния. Все они неизменно оказывали мне бесценную поддержку. Я также обязан финансовой поддержкой на многих важных этапах своей исследовательской работы комитету фонда научных исследований Университета Кентукки, а также профессору Х. Клею Риду из Университета Делавэра за неординарный акт великодушия, совершенный по отношению ко мне несколько лет назад и послуживший большим стимулом для продолжения моей работы.

Рукопись этой книги была просмотрена на различных этапах ее подготовки профессорами Эмеритусом Лоуренсом Д. Стифелом из Университета Миннесоты, Карлом Б. Коуном из Университета Кентукки и Робертом А. Канном из Ратгерского университета. Без их проницательных указаний в отношении стиля и содержания книга была бы хуже, но не их вина, если она не стала лучше. Профессору Канну я особенно обязан как поощрением работы, так и своевременным советом изменить направление исследования. Я также почерпнул много пользы из руководящих указаний и советов доктора Вальтера Ляйтша и доцента доктора Фрица Фелнера из Венского университета, а также профессоров Карла Босла из Мюнхенского университета и Гильома де Бертье де Совиньи из Католического института в Париже.

Наконец, что важнее всего, я хочу публично выразить признательность своей жене и детям за помощь и терпение при подготовке этой работы. Лыщу себя надеждой, что два года пребывания в очаровательной Вене послужили достаточной компенсацией за их усердие.

Лексингтон, Кентукки, июль 1963 г.

Глава 1

Клеменс Меттерних, граф Священной Римской империи

Первое, что следует знать о Клеменсе Лотаре Венцеле фон Меттернихе-Виннебурге-Байльштайне, – это то, что он был не австрийцем, но уроженцем Рейнской области. Лишь в 21 год от роду он пересек Виннервальд и впервые увидел правительственное здание Бальхаус в Вене, где провел около 40 лет в качестве министра иностранных дел Австрии. Единственной осязаемой связью семьи Меттерних с разрозненными территориями, объединенными Прагматической санкцией 1723 года (Закон о престолонаследии императора Карла VI) в государственное образование Австрия, было поместье Кенигсварт в Богемии. Причем Кенигсварт имел для Меттернихов меньшее значение, чем семейная вотчина по берегам реки Мозель на полпути между Триром и Кобленцем. Она представляла собой феодальное владение Виннебург на левом берегу реки и меньшее по размерам поместье Байльштайн на правом берегу. Вместе эти владения составляли весьма доходную собственность. Они занимали площадь в 75 квадратных миль, на которой трудились 6200 душ, и приносили годовой доход в 50 тысяч гульденов. Это позволяло семье проживать в соседнем Кобленце обеспеченно, хотя и без кричащей роскоши. (См.: С р б и к, Генрих Риттер фон. Меттерних – государственный деятель и человек. Мюнхен, 1925. Т. 1. С. 79.) Именно в Кобленце, в месте слияния Рейна и Мозели, в окружении заброшенных замков и террас виноградников, родился в 1773 году Клеменс Меттерних.

Рейнская область на закате старой системы правления в Европе содержала в себе смесь немецкой и французской культур, по крайней мере в среде двуязычных аристократических семей, одной из которых были Меттернихи. В административном отношении регион составлял часть округа Нижний Рейн-Вестфалия Священной Римской империи. Отец Клеменса, Франц Георг, был рейхсграфом, то есть имперским графом, одним из 400 представителей высшей немецкой аристократии. Они считались непосредственными вассалами императора и были представлены в Регенсбурге на августовской ассамблее, именуемой рейхстагом. Надо сказать, что Меттернихи не присутствовали там. В социальной иерархии выше их находились князья, маркграфы, герцоги и выборщики. Графы представляли нижнюю ступень представительства в рейхстаге, и не все из них принимали участие в его заседаниях. Меттернихи имели мизерную долю участия при голосовании в Регенсбурге, поскольку графы были разделены на четыре совета, каждый из которых имел лишь один голос. В совете графов Вестфалии фамилия Меттерних стояла в списке под номером 21 из 32, занесенных в список.

Без места в совете семья Меттерних входила бы в нижнюю аристократию империи, к которой принадлежали те, кто получил феодальные владения непосредственно от императора, но не был представлен в рейхстаге. Большинство из них, составлявших группу графов, 350 семей баронов и около 1500 рыцарей, принадлежали к корпоративному объединению, которое располагало многими привилегиями высшей аристократии, например свободой от выплат имперских налогов. Таким образом, они имели более высокий статус и пользовались большими благами, чем многие немецкие дворяне, обладавшие значительными поместьями, но зависевшие от князей и подпадавшие под их юрисдикцию. Тем не менее дотошный протокол увядающего феодального строя прочертил на имперском уровне четкую разграничительную черту между высшим и низшим дворянством. Благодаря этой черте Меттернихи наряду с другими графскими семьями занимали довольно сносное положение. Поднапрягшись, они могли вести роскошную жизнь, нанять лучших наставников для детей. Как представители высшего дворянства, они могли свободно общаться с самыми знатными семьями.

Юный Клеменс, например, дружил в детстве с принцессами, которые стали впоследствии королевами Ганновера и Пруссии. Позднее, будучи студентом в Страсбурге, он стал близким другом будущего короля Баварии и князя Максимилиана из Цвайбрюккена. И все же жениться на девушке, принадлежавшей к более высоким сферам аристократии, представляло известную трудность. Когда Клеменс так поступил в 1795 году, это было воспринято как большая удача, результат умения Франца Георга ладить с людьми, а также привлекательной внешности и ума его сына.

Однако подлинное размежевание в дворянстве происходило на политической почве. Со времени Вестфальского мира в 1648 году около 40 ведущих имперских курфюрстов пользовались конституционным положением, освобождавшим их от юрисдикции имперского верховного суда, сделавшим их полными хозяевами подвластных территорий и позволявшим им заключать союзы друг с другом и даже с зарубежными странами. Многие из курфюрстов завели собственные армии и, несмотря на формальное выражение почтения императору, вели себя так, как если бы они были суверенами. Некоторые из князей, действительно, были монархами. Например, выборщик Ганновера был королем Англии, выборщик Бранденбурга – королем Пруссии, а герцог Холштейна – королем Дании, не говоря уже о Габсбургах разных уровней, имевших владения в Германии. Таким образом, «вооруженные поместья» – феодальные владения с собственными армиями – стремились следовать эгоцентрическому курсу на установление в пределах своих территорий централизованного деспотизма, захватывать мелкие владения по соседству и даже заключать союзы с Францией и Россией, если это отвечало их интересам. Для таких феодальных правителей рейх был досадной обузой, анахронизмом, который мешал им прославиться. Что касается династий Габсбургов и Гогенцоллернов, то их власть в своих державах была настолько прочна, что они не обращали внимания на те случаи, когда их провинции включали в состав империи. В общепринятом смысле термин «рейх» обозначал просто часть Германии к западу от реки Эльбы и Богемского леса.

С другой стороны, для низшего дворянства рейх был не просто живой традицией, но насущной необходимостью. Он гарантировал неотчуждаемость их собственности, их формальное равенство с самыми могущественными феодальными семьями, защиту от хищных соседей и от вмешательства государства в управление их имениями. Имперскому графу, в отличие от обычного графа, не досаждали ретивые бюрократы, претворяющие в жизнь централистские идеи деспота. Лишь изредка он предстал перед имперским верховным судом при разборе жалоб соседа или одного из вассалов. В то же время рейх предоставлял гораздо больше возможностей для служебного и административного роста, чем любое из феодальных владений. Император мог предложить немало постов и должностей как на имперской службе, так и в административной иерархии на территориях, подвластных Габсбургской короне, которые, отставая в культурном развитии, нуждались в способных людях из западной части империи. В рейхе имелось также большое число церковных владений, не уступающих по площади и возможностям «вооруженным имениям». Там были не только возможности занять себя. Это были епархии, домогаясь которых феодальные семьи направляли своих сыновей на церковную службу. Ко времени рождения Клеменса Меттерниха уже дали четырех выборных архиепископов, которые, в свою очередь, подняли влияние семьи на уровень, гораздо превышающий ее светский статус. Имя одного из этих прелатов, Лотара, стало частью будущего официального имени дипломата, а другие его части, Клеменс и Венцель, были взяты в честь крестного отца, бывшего архиепископом Трира.

Следовательно, семья Меттерних принадлежала к тем кругам, которые по необходимости добивались укрепления рейха. Свободу, которую наибольшие феодальные вотчины искали на пути создания собственных вооруженных формирований и проведения самостоятельной внешней политики, феодальные владения менее значительные добивались обеспе-

чением поддержки имперского режима. Сколько бы малые и средние феодалы ни хвастали равными правами с главами могущественных кланов, их интересы более совпадали с интересами низшего дворянства, религиозных общин, свободных имперских городов, каждый из которых приветствовал императора как защитника «германских свобод».

Во второй половине XVIII века будущее германских свобод было отнюдь не радужным. Религиозные общины сталкивались с настойчивыми требованиями поборников Просвещения об их секуляризации. Они страдали и от произвола князей церкви, которые вели себя как временщики. Свободные города и малые поместья подвергались, в свою очередь, поглощению могущественными соседями, стремившимися к расширению границ своих владений, получению дополнительных средств от сбора налогов, увеличению набора рекрутов в вооруженные формирования. Рейх существовал на грани анархии, и после деморализующего эффекта Войны за австрийское наследство и Семилетней войны, завершившихся за 10 лет до рождения Клеменса Лотара Меттерниха, стало ясно, что германские свободы зависели от гарантий императора меньше, чем от противоречий между «вооруженными именными» и особенно патового состояния в отношениях между Австрией и Пруссией.

За внутренним хаосом неизбежно следовало внешнее вмешательство. В 1788 году, когда снова разразилась гражданская война, причем Австрия в союзе с Баварией выступили против коалиции, объединявшей Пруссию, Саксонию и Мекленбург, к посредничеству между противоборствующими сторонами были привлечены пограничные державы – Франция и Россия. Для Франции посредничество в делах рейха вряд ли было чем-то необычным, России же оно давало дальнейшее усиление влияния в Европе. Почти за шесть лет до этого она отодвинула свои границы на запад посредством первого раздела Польши, теперь, по Тешенскому договору, положившему конец внутригерманской войне, она стала гарантом статус-кво в рейхе.

Через год (в 1780 году) Иосиф II начал осуществление долго вынашивавшейся программы преобразования рыхлого объединения провинций под названием Австрия в современное централизованное государство. В социальном плане реформа не удалась. Однако она имела для рейха большое значение, способствуя погружению Австрии в свои проблемы и выработке специфически «австрийского» подхода, в котором собственная территориальная консолидация и четко очерченные границы значили больше, чем органичное единство с рейхом. Кстати, именно поэтому Иосиф рассчитывал в будущем обменять далекие от Австрии Нидерланды на Баварию, как будто остатки Священной Римской империи могли распределяться по желанию разных держав. Эти остатки, называвшиеся на языке XVIII века рейхом и позднее превратившиеся в идиоматическое выражение «третья Германия», страдали вакуумом власти, являя собой западноевропейский вариант одряхлевшей Польши на востоке.

Но жизнь в Швабии, Вестфалии, Франконии и Рейнской области, где карликовые государства кучковались друг с другом, развивалась путями, соответствовавшими своему времени. Среди поборников империи было много деятелей не менее способных, чем Франц Георг Меттерних, но ни один из них не был настолько привержен имперским традициям. В 1768 году он поступил на службу к выборщику Трира. До 1771 года Франц Георг был представителем выборщика в Вене, затем его отозвали в Кобленц, столицу архиепископства, и назначили на пост советника и министра иностранных дел. Нет необходимости добавлять, что иностранные дела архиепископства редко выходили за рамки дипломатического протокола, и здесь Франц Георг показал себя с наилучшей стороны. Он всегда был безукоризненно одет, приветлив и вежлив, обходителен с окружавшими его восхитительными женщинами, среди которых блистала его супруга Беатрис, очаровательная и талантливая женщина, урожденная Кагенек из Брайсгау. Рейхсграф Меттерних идеально подходил для пышной придворной жизни карликового немецкого феодального владения XVIII века. Эта жизнь не претерпела существенных изменений, когда в 1773 году он поступил на службу к императору. В

качестве имперского министра при дворах Трира и Кельна, а позднее и при дворе выборщика Майнца, а также в округе Нижний Рейн-Вестфалия он по-прежнему проживал в семейной резиденции Меттернихов в Кобленце. Там он воспитывал своих детей: дочь Паулину 1772 года рождения, Клеменса, появившегося на свет годом позже, и другого сына – Иосифа 1774 года рождения.

С добродушным отцом и матерью, плохо скрывавшей особую любовь к первенцу сыну, Клеменс Меттерних мог легко вырасти в ленивого и избалованного юнца. Возможно, он и был таким до известной степени. По крайней мере в его складе характера не было ничего прусского и пуританского. Он унаследовал в полной мере знаменитую привязанность рейнцев к жизни на широкую ногу, добавив к этому свою собственную склонность к покою и комфорту. Его рассеянность и медлительность приводили в отчаяние всех, кто имел с ним дело, иногда же он обнаруживал нерешительность и капризность, которые в человеке менее обаятельном обличали бы фатовство. Однако в Меттернихе эти свойства становились чертами характера, присущими облику важного сановника, который чувствовал себя вполне уверенно в изысканном аристократическом обществе феодального режима. К тому же он жил в эпоху, поощрявшую способность сочетать тягу к удовольствиям с умением делать карьеру. Меттерних не избежал ее влияния. Живость ума и интеллектуальная дисциплина делали его скупым на внешние проявления жизненной энергии. Хладнокровие же, выглядевшее порой как апатия, прикрывало его деловую сосредоточенность.

Интеллект, а также любознательность Клеменса, которая всю жизнь влекла его к знакомству с различными областями знания, были унаследованы от матери. Однако надо отдать должное и Францу Георгу. Он, видимо, располагал большим запасом здравого смысла, который человек заурядный использует для воспитания своих детей. С самого начала Франц Георг готовил Клеменса к дипломатической карьере. Хотя и невозможно определить, насколько его замысел повлиял на воспитание сына, он создал для карьеры Клеменса даже в условиях той космополитической эпохи богатые и разносторонние предпосылки. Понимая значение знания языков, он убедил сына не пренебрегать немецким, в то время как тот предпочитал разговаривать со своей матерью по-французски. Он позаботился также о том, чтобы юноша приобрел первые навыки на политическом поприще, добившись для него некоторых мелких поручений во время коронации Леопольда во Франкфурте в 1790 году в качестве императора Священной Римской империи и затем во время коронации Франциска II двумя годами позже. Эти поручения, по крайней мере внешне, имели целью настроить молодого Меттерниха на то же ревностное служение рейху, какое было присуще его отцу.

Однако в наибольшей степени влияние Франца Георга сказалось на образовании юноши. Вслед за двумя католическими наставниками при дворе Меттернихов появился деист Йохан Фредерик Симон, который внедрил в семью не только новейшие педагогические методы воспитания, но и дух Просвещения в целом. Симон был не просто педагогом. Когда началась Французская революция, он отправился в Париж, где служил ряду революционных правительств и поддерживал режим террора. Пребывание якобинца в феодальной семье было по меньшей мере аномалией. Любопытно, что именно графиня Меттерних, наиболее образованный представитель семьи, резко критиковала его идеи, в то время как Франц Георг оставался невозмутимым. Что касается юного Клеменса, то он уважал своего учителя и за шесть лет почти ежедневного общения, несомненно, приобрел от него привычку к рациональному мышлению, которое позже определяло его деятельность. Если и был парадокс в том, что учитель поддерживал революционные идеи, а ученик стал защитником просвещенного деспотизма, то причина коренилась в самом Просвещении, передавшем миру свое амбициозное наследие.

В 1788 году Франц Георг внес своих сыновей в списки студентов Страсбургского университета, отправив их туда в сопровождении частного преподавателя. Хотя состав студен-

тов включал в основном французов и немцев, в то время университет привлекал студентов из всех стран Европы и из многих социальных слоев. Университет находился в процессе постепенного возрождения после Семилетней войны, сделавшей учебу в Германии временно недоступной для иностранцев. В результате Меттерних встретил там представителей самых разных национальностей, включая таких будущих партнеров, как князь Павел Строганов и граф Андрей Разумовский из России, а также корсиканец граф Поццо ди Борго. Тому случайному обстоятельству, что свита Меттерниха проживала в кварталах города, где снимали жилье студенты-стипендиаты, он обязан общением с простым народом. Впрочем, это мало повлияло на его политические взгляды и личную жизнь. Он по-прежнему шикавал, занимался ездой верхом и фехтованием, совершал визиты в дома знатных особ.

Одной из дисциплин, преподававшихся в то время в Страсбурге, было право, в частности германское право. Его изучали даже французские студенты в надежде сделать карьеру в судебной системе рейха. Люди, обучавшие Меттерниха, особенно Кристофер Вильям Кох, выражали идеи обновленной Геттингенской школы. В ней господствовал светский рационалистический дух. Здесь поощрялось изучение позитивного права и его исторического развития, чтобы дать студентам необходимые знания о законах. Однако никто не рассчитывал набраться мудрости от этих занятий или обнаружить в самом существовании института права признаки божественной воли. Справедливость считалась естественным правом. Она обнаруживалась посредством разумных аргументов и достигалась наилучшим образом усилиями просвещенной человеческой воли, одним словом, посредством деспотической воли феодальных князей. В свете универсальной идеи христианства упадок рейха как органичного института не мог не вызывать сожаления. Согласно этой концепции, рейх представлял собой лигу отдельных государств, изначально светских образований в центре Европейского континента. И если в идее рейха и имелась какая-то особая ценность, то она заключалась в опоре на баланс сил. Потому что обосновывалось это тем разумным доводом – а разум в то время был мерой всех вещей, – что в Европе, более или менее однородной в культурном отношении, но разделенной политически на эгоцентричные государственные образования, единственной альтернативой хаосу является учет баланса сил. Поскольку равновесие считалось принципом организации Вселенной и поскольку в течение века дипломаты усматривали в равновесии сил прагматичное решение своих проблем, баланс сил как регулятор международных отношений казался логически естественным. Не случайно в Страсбурге Меттерних почти ежедневно погружался в споры о необходимости европейского равновесия. (См.: С р б и к. Меттерних... Т. 1.)

То же продолжалось в 1790 году, когда молодой студент, осваивавший науку государственного управления, перевелся на учебу в университет Майнца. Там он слушал лекции по истории Германской империи Николаса Фогта и подружился с этим видным ученым на всю жизнь. Философия Фогта не была столь механистична, как у Коха. Она уделяла больше внимания исторической эволюции правовых институтов и их органической связи с иерархией социальных отношений, начиная с семьи, переходя затем – через епархии, поместья и королевства – к Европейской республике. Тем не менее равновесие и здесь сохраняло всеобъемлющее значение. Однако для Фогта баланс сил был не просто проблемой отношений между суверенными государственными образованиями, как у Коха, но воодушевляющим принципом всех человеческих отношений, всего общества и даже всей Вселенной. Для Фогта это было выражением божественной воли. Там, где доктрина Коха стремилась применительно к Священной Римской империи оправдать абсолютизм и амбиции крупных феодалов, философия Фогта утверждала органичную гармонию целого и важность всех входящих в него институтов, больших и малых, светских и религиозных.

Таким образом, в университете Майнца Меттерних нашел философию, которая соответствовала не только существовавшим стандартам интеллектуального достоинства, но

также традициям и жизненным интересам его семьи. Неудивительно, что он не устал почитать Фогта и после смерти ученого, похоронив его останки в поместье Меттернихов в Йоханнисберге. Однако, хотя Меттерних и признавал Фогта своим учителем больше, чем Коха, последнего все равно нельзя было сбрасывать со счета. Потому что – даже если в студенческие годы Меттерних этого и не предвидел – оба профессора теоретически сформулировали главную проблему его будущей политики в отношении Германии: должна ли эта страна в эпоху после Наполеона воссоздаваться в виде иерархий имперских владений или как лига суверенных государств.

Между тем Французская революция преподавала в сфере искусства управления государством уроки, с которыми по накалу эмоций не могли сравниться никакие академические лекции. Молодому Клеменсу революция доставила и сугубо личные переживания. Всего лишь через неделю после падения Бастилии он увидел, как разъяренная толпа штурмовала здание городского собрания в Страсбурге, грабила знаменитый винный погреб города и устраивала пьяные оргии и бесчинства, положить конец которым смог лишь полк охраны князя Макса. Позже, к досаде молодого человека, он узнал, что его старый учитель Симон стал редактором революционного еженедельника в городе и местным переводчиком Декларации прав человека. Далее, как представлялось испуганному, но замороженному студенту, революция с самого начала была обагрена кровью и созидание в ней сводилось на нет разрушением.

Несмотря на отвращение, которое, возможно, Меттерних питал к июльским актам насилия, он продолжал учебу и провел в Страсбурге еще один год. Лето 1790 года застало его уже во Франкфурте на коронации Леопольда II, которая значила больше, чем простой ритуал. Она выглядела как освящение прошлого. Затем последовали два года жизни в Майнце, а в июле Меттерних был снова во Франкфурте на коронации Франциска II. Если предыдущая коронация продемонстрировала цепкость прошлого, то вторая была призвана отметить его полный триумф. В это же самое время у Кобленца сосредоточивалась прусская армия под командованием герцога Брунсвика и готовилась начать наступление, с которым были связаны большие надежды на разгром революции, причем не только надежды самих немецких князей, но в особенности многих французских эмигрантов, прибывших на коронацию. После коронации Меттерних в состоянии благодушия присоединился к массам дворян, возвращавшихся в Кобленц в ожидании вестей о победе.

Эти вести так и не поступили. 20 сентября наступление было остановлено в Вальми. Началось отступление, долгое отступление со сдачей в следующие четыре месяца революционным армиям Майнца и Франкфурта и открытием пути к еще большим бедам. И куда только делось это общество «естественного равновесия»? Французские поместья были ликвидированы, королевская семья казнена, установилась террористическая диктатура. Фогт говорил о дарованном Богом равновесии между любовью и ненавистью. Откуда было взять любовь, которая сдержала бы поток ненависти, несшийся из Парижа, перебравшийся через Рейн и приготовившийся поглотить мирные Виннебург и Байльштайн, до которых оставалось каких-то 50 миль?

Возвращение в Майнц стало невозможным. И потом, как можно было думать о гармонии Вселенной, когда революция каждый день заставляла сомневаться в ее существовании? Теперь Меттерних сменил обучение практической деятельностью, помогая отцу и служа курьером между армией и австрийскими властями в Нидерландах. В 1791 году Франц Георг пошел на повышение, заняв пост министра-резидента в австрийских Нидерландах и Бельгии. Позже Клеменс хвастал, что отец был своего рода премьер-министром, разве что подчинялся приказам имперской канцелярии в Вене, которая управляла территориями, подвластными Габсбургской короне. Теперь Франц Георг находился на службе Австрии, а не Священной Римской империи, как это было прежде в Майнце. Вскоре эта разница в положении стала очевидной.

Подверженный имперским предрассудкам Франц Георг воспринимал Нидерланды и Бельгию скорее как округ рейха, чем как часть австрийской территории. Он горячо сочувствовал хозяевам дворянских поместий, их стремлению к независимому существованию, их нежеланию платить налоги в пользу далекого австрийского двора.

Необходимо сказать несколько слов о политике Франца Георга, поскольку в 1789 году хозяева поместий подняли восстание против власти Иосифа II, пытавшегося упразднить устаревшую конституцию. С этого времени местные феодалы стали колебаться в выборе между злом Французской революции и политикой централизации Габсбургов. Тем не менее, поскольку начальники Меттерниха в Вене были большей частью централистами по убеждениям и относились к Нидерландам и Бельгии с недоверием по печальному прошлому опыту, они противились его соглашательской политике и постоянно вмешивались в его административную деятельность.

Осенью 1793 года Франц Георг без согласования с Веной оказал содействие местным феодалам в их попытках укрепить территориальную милицию путем вооружения крестьян и сформировать добровольческие корпуса для отражения наступления французов. Эти поступки привели в ужас венскую канцелярию, и не столько потому, что она боялась вооружения народа – ранее Австрия обращалась к рейхстагу с призывом провести массовую мобилизацию в вооруженные силы по всему рейху, – сколько потому, что она сомневалась в лояльности бельгийских и нидерландских феодалов. Когда же в 1794 году Бельгия была оккупирована французами и страна с поразительной поспешностью дезертировала из Австрии, Франца Георга было очень легко сделать козлом отпущения. В начале июля австрийцы покинули Брюссель и рассерженный кайзер упразднил пост Меттерниха.

Для семьи Меттерних это было время испытаний, Клеменс тяжело переживал унижение. Благодаря остаткам отцовского влияния он получил назначение в Англию. Удалившись из зоны насилия, он теперь располагал временем оценить критически ситуацию в разорванной на клочки Европе и защитить политику отца. В памфлете, написанном в августе 1794 года, он подверг резкой критике «твердолобых» дипломатов старой школы, «которые смотрят на современную войну как на любую другую, а на революцию как на детскую игру, которые наблюдают всеобщий пожар с хладнокровием лекаря...». Именно эти люди, пояснял Меттерних, побоялись вооружить массы. «Монархов застрашали, показав им пугало, и решительные действия правительства Нидерландов были запрещены». Но истина состояла в глубоком различии между понятиями «толпа» и «народ». Последний состоял из собственников и был готов драться за свою собственность, «сколь ни мала была она... Из числа вооруженного народа я исключаю, следовательно, класс неимущих, столь опасный для государства, людей, ничего не имеющих и всегда готовых к мятежу...». Важно мобилизовать массы «граждан» и «йоменов», готовых выступить против вооруженных орд, рожденных революцией – революцией, которая угрожала «разрывом социальных уз, разрушением всех принципов и уничтожением собственности».

Первый публицистический опыт Меттерниха на политическую тему крайне интересен. Он произнес первое слово в своей продолжавшейся всю жизнь полемике против революции, – произнес со страстностью, присущей молодости. Революция, считал он, не являлась политикой в обычном понимании, то есть состязанием в рамках взаимно оговоренных правил. Это скорее демоническая сила, угрожающая самой цивилизации. Внешне проблема проста: ведется борьба собственников и неимущих. Монархические правительства и экспроприруемые собственники должны ясно осознать тот факт, что они вовлечены в классовую борьбу. Они должны оставить свои мелочные споры и соперничество ради коллективного противодействия необузданным стремлениям революционных сил.

Это было весьма красноречивое отрицание революции, но то, что Меттерних утверждал, было тоже важным. Оно состояло в страстной защите политики отца в Нидерландах,

в энергичной поддержке идеи создания народной милиции, которая не имела бы ничего общего ни с голодной бандой наемников, ни с необузданной ордой фанатиков. Его трактат проповедовал философию «третьей силы», противостоявшей в лице феодалов абсолютизму, в то время как революция противостояла ему с другой стороны. За полемикой против революции таилась поддержка имперским графом рейха как органичного государственного образования, отчаянный призыв не оставлять левый берег Рейна Франции. Осуждение «твердолобых» было в конечном счете проявлением удрученности – он снова и снова говорил о непостижимом, – удрученности, вызванной тем, что монархия, на которую больше всего надеялись аристократы, оказалась столь слепа в отношении своих жизненных интересов. Это было традиционное выражение недовольства бойцов передней линии штабом, оно имело мало общего с универсальностью мышления, как оценивает Генрих Риттер фон Сербик содержание памфлета в своей знаменитой биографии Меттерниха. Точка зрения, высказанная в памфлете, по существу страдала местничеством. Борьба Меттерниха против революции, какое бы философское обоснование она ни получила, началась фактически как попытка привлечь Габсбургов к защите рейха по всем направлениям.

Если Меттерниха в то время более всего тревожила судьба Виннебурга и Байльштайна, то эта тревога имела под собой основания. В октябре пал Кобленц, в январе 1795 года в руки французов попала вся Рейнская область, за исключением Майнца. Меттернихи перестали быть просто бойцами «передней линии» в борьбе с революцией, теперь они были беженцами-эмигрантами – это положение лишь растравливало их души. Без должности на государственной службе, вынужденный полагаться на скромные доходы с имения Кенигсварт,

Франц Георг привез свое семейство в Вену. В ноябре 1794 года впервые увидел эту столицу Клеменс Лотар. Цель съезда родственников на берегах Дуная была тройкой: подыскать работу Францу Георгу, невесту для Клеменса и, насколько это возможно, повлиять на политику с целью не допустить сдачи французам Рейнской области.

Ситуация была довольно скверной. Постороннему было очень трудно прорваться сквозь сомкнутые ряды австрийской аристократии, а для обедневшего Франца Георга Меттерниха препятствия становились непреодолимыми. Он восстановил против себя большинство влиятельных сановников, включая министра иностранных дел, барона Франца фон Тугута. Его повсюду, хотя, возможно, и несправедливо, порицали за поражение в Нидерландах, и, кроме того, он оставался приверженцем рейха в столице, которая помимо Германии имела много других интересов. Для Франца Георга не нашлось работы. Однако Клеменс преуспел больше. Менее чем через год после прибытия в Вену он возбудил пересуды столичной публики в связи с женитьбой на княжне Элеоноре, единственной дочери князя Эрнста фон Кауница и внучке самого великого канцлера. Удачный брак имел место не без влияния связей и личных усилий графини Меттерних, но главной его причиной был, конечно, сам молодой Клеменс. Он завоевал сердце юной княжны обходительными манерами, острым умом и привлекательной внешностью, взяв верх над соперниками из монархических семей Лихтенштейн и Палфи. Это была важная победа не только над замкнутостью венской аристократии, но и над зависимостью от собственной семьи. После свадьбы в сентябре 1795 года Меттерних поселился в доме тестя в Аустерлице, и, несмотря на личную антипатию ко многим из своих новых родственников, он воздерживался от всего, что могло уронить репутацию Кауницей. С этих пор благополучие дома Меттернихов зависело больше от него, чем от отца. Теперь Меттернихи были связаны с Австрией столь же прочно, сколь и с Рейнской областью. (См.: К о р т и. Меттерних и женщины. Т. 1. С. 30–44.)

В ситуации, когда Франц Георг был дискредитирован, а Клеменс почти не выезжал из Аустерлица, австрийская политика проводилась прежними неуклюжими методами и без того, чтобы пользоваться советами рейнских эмигрантов. Клеменс обвинял Тугута в проведении политики, отвечающей узкоавстрийским интересам, но не принципам идеологической борьбы против революции. Это не означало, однако, что Тугут воспринял потерю Нидерландов с легким сердцем или преднамеренно саботировал курс на укрепление рейха. Наоборот, он стремился к возврату под власть Австрии бельгийских территорий, хотя бы для обмена их на соседнюю Баварию. Более того, рейх представлял для Австрии большую ценность, особенно из-за коммерческих связей с имперскими свободными городами и исключительного права набирать рекрутов в армию в небольших курфюршествах (княжествах), не располагавших собственными вооруженными формированиями. Почти половину численного состава каждого так называемого «немецкого полка» в австрийской армии (в отличие от венгерских и хорватских боевых единиц) рекрутировали таким способом. Процент же унтер-офицеров был еще выше, поскольку в западной части Германии грамотность тоже была более высокой. Наконец, рейх укреплял моральный дух, и, хотя опора была шаткой и малоосоздаваемой, сбрасывать ее со счета не следовало бы. В марте 1793 года Тугут в последнем воззвании к духу имперского патриотизма убеждал рейхстаг объявить имперскую войну Франции и велеть «вооруженным поместьям» мобилизовать военные контингенты численностью втрое большей, чем обычная. Даже выборщик Палатинат-Баварии выделил требуемую численность войск, хотя во всем остальном он продолжал соблюдать пакт о нейтралитете, подписанный с Францией.

Таким образом, рейх был все еще необходим Габсбургам. И если бы их интересовала только Германия, то, вероятно, даже Меттернихам было бы не на что жаловаться. Главным препятствием, к преодолению которого постоянно стремилась имперская политика, был польский вопрос, снова обострившийся летом 1792 года усилиями российской императрицы

Екатерины. «Я ломаю голову над тем, – признавалась она, – как найти способ побудить монархии Вены и Берлина заняться французскими делами. Хочу вовлечь их в эти дела, чтобы развязать себе руки». Послав армию в Варшаву, Екатерина сломала деликатный трехсторонний баланс сил, сложившийся на востоке, и бросила прямой вызов австрийской политике сохранения Польши в качестве буфера в отношениях между Пруссией и Россией. Тем не менее Тугут и император Франциск, оба только что заступившие на свои посты, продолжали считать Западный фронт главным, оговорив себе долю во втором разделе Польши, который эти две восточные державы совершили в январе 1793 года. В ответ Пруссия и Россия обязались продолжать войну против Франции, помочь возвратить Австрии Нидерланды и поддержать ее план по обмену Нидерландов на Баварию.

Со стороны Австрии сделка не была удачной. Помощь России на западе была ничтожной, а Пруссия, чей аппетит разожгли польские территории, могла позволить себе рискнуть потерей собственных земель на Рейне (Клеве и Гелдерланд) в надежде на более значительные территориальные приобретения на востоке. Надежда была вполне реальной, поскольку остатки Польши находились в состоянии, близком к анархии. И Пруссия вскоре нашла повод для оккупации еще большей территории. К несчастью для Австрии, земли, захваченные Пруссией, включали район Кракова, где находились Моравские Ворота – широкий проход, ведущий прямо к Вене. Перед лицом этой угрозы, которая, в отличие от проблематичной опасности со стороны Франции, выглядела конкретной и близкой, Тугут отбросил свою политику невмешательства и объединился с Россией с целью вытеснить пруссаков из районов, где они представляли угрозу, и произвести раздел Польши к выгоде Австрии и России. В марте 1795 года монархия в Берлине ответила на это подписанием сепаратного мира с Францией в Базеле. По базельскому договору Пруссия признала французские претензии на Бельгию и левый берег Рейна. Выйдя из затруднительного положения на западе, она активизировала свою политику в Польше и спустя шесть месяцев получила свою долю в окончательном разделе этой страны.

Такова была реальность, требовавшая от австрийских стратегов жесткого выбора. Теоретически Меттерних был, без сомнения, прав, когда предостерегал против революции как главной опасности и призывал к прекращению текущих политических распри. Но эти предостережения и призыв мало что значили без поддержки монархиями континента внутри и за пределами рейха. Поскольку Россия навязала польскую проблему, у Тугута не оставалось выбора, кроме как держать значительную часть армии на востоке, где Вена была уязвима для внешней угрозы. Не его вина, что Пруссия дезертировала с Западного фронта и что Саксония, Ганновер и Гессен-Кассель тоже замирились с Францией, оставив в состоянии противоборства с ней лишь правителей курфюршеств, расположенных по левому берегу Рейна. То, что молодой человек в возрасте 21 года упустил эти факты из виду, неудивительно. Примечательно другое: через несколько лет Меттерних, будучи уже в зените своего могущества, как ни в чем не бывало продолжал порицать министерство Тугута за «беспрерывную серию ошибок и просчетов». Причем даже в это время он говорил только о французском вторжении, упуская из виду польский вопрос. Но ведь так часто относятся к тем, у кого учатся.

Австрия противостояла французам в Германии не без успеха, и, только когда война была распространена на Италию, куда вторглись французские армии под командованием Наполеона Бонапарта, Тугут предложил мир. В октябре 1797 года в Кампоформо был подписан мирный договор. По его условиям Австрия уступила Франции бельгийские провинции, получив в качестве компенсации итальянские территории Венеции, Истрии и Далмации. Вывод земель короны, входивших в рейх, за имперские границы продемонстрировал яркий пример политики: «Австрия превыше всего». Но это было еще не все. В секретных статьях Австрия соглашалась уступить французам большую часть левого берега Рейна. В

обмен Франция гарантировала свою поддержку в приобретении Австрией части Верхней Баварии, а также внушительного архиепископства Зальцбург. Последняя акция предусматривала одобрение принципа секуляризации, который австрийцы долго отвергали из опасения потери некоторых важных опор империи.

Ирония состоит в том, что договор Кампоформии, который имел такие ужасные последствия для семьи Меттернихов, стал причиной того, что и отец и сын вернулись наконец в политику. Поскольку формально Франция и рейх оставались в состоянии войны, договор предусматривал проведение в Раштатте конференции для обсуждения условий мира с участием обеих сторон. Представлять имперский округ под названием Австрия был назначен граф Людвиг фон Лербах, а граф Людвиг фон Кобенцль, подписавший договор в Кампоформии, стал послом императора Франциска, выступавшего в качестве короля Богемии и Венгрии. Оставался вакантным пост полномочного представителя императора Священной Римской империи, и его занял Франц Георг Меттерних при содействии своего друга Кобенцля, который благодаря заключению мирного договора неожиданно повысил свой политический вес. Молодой Клеменс был снова назначен представителем графов Вестфалии, как во время коронации 1792 года.

Если бы Франц Георг был политиком более проницательным, он мог бы даже в своих стесненных обстоятельствах усомниться в целесообразности принятия назначения, которое требовало от него делать все возможное для блага рейха, не мешая при этом Кобенцлю и Лербаху реализовать секретные статьи договора Кампоформии. В самом деле, имеется сильное подозрение, что Тугут рассматривал это назначение как расплату Франца Георга за неудачу в австрийских Нидерландах. Он систематически держал полномочного представителя императора в неведении относительно государственных секретов, которыми щедро делился с Кобенцлем и Лербахом. Вызывает большие сомнения, что Меттернихам вообще было что-либо известно об обязательствах, взятых рейхом в Кампоформии. Клеменс, к несчастью, был более близок к истине, чем предполагал, когда говорил об отцовском назначении, что «ни один пост не соответствовал ему больше и никто не соответствовал этому посту больше, чем он».

Как бы то ни было, но, когда в январе 1798 года открылась конференция, Франц Георг оказался в беспомощном состоянии, зажатый между инструкциями рейхстага, предполагающими возвращение к положению до сложившегося статус-кво, и требованиями французских представителей, выходящими за рамки договора в Кампоформии, о передаче Франции всего левого берега Рейна без исключений. В конце концов он был вынужден следовать линии Кобенцля и Лербаха, которые не только уступали французским требованиям, но также побуждали другие курфюршества рейха делать то же самое в счет компенсации за это на правом берегу. Средством защиты рейха, признался в итоге Франц Георг делегации представителей немецкого дворянства, было одно лишь «звонкое слово».

Молодой Меттерних не разделял отцовскую сентиментальность и стоическую гордость. Перед тем как договор Кампоформии похоронил надежды на левый берег Рейна, он предпринял уже в Раштатте, где формально участвовал в работе конференции, меры по обеспечению адекватной компенсации за потерю поместья Меттернихов. «Не хочу, чтобы меня цитировали, – писал Клеменс жене, – но, согласно моему видению ситуации, все пошло к чертям, настало время спасти хоть что-нибудь из-под развалин». Через четыре месяца, когда конференция приняла принцип компенсации, он уже подобрал подходящее поместье и выдвинул на него претензии. На более высоком политическом уровне он смотрел скорее вперед, чем назад. Оценивая французскую программу полной секуляризации, против которой, по его мнению, будет неизбежно возражать австрийский суд, Меттерних предпочел середину между двумя крайностями. Когда программа была одобрена конференцией, он выра-

жал недовольство постоянными и бесполезными, по его убеждению, возражениями против этого решения отца.

В то время как Франц Георг упрямо защищал территориальную целостность рейха, а более реалистичный Клеменс выторговывал компенсации за потерю имущества, реальной проблемой в Раштатте стало бы решение вопроса о том, как крупные державы разделят третью Германию. Гипотетически представлялась возможность разделить территорию рейха так же, как Польшу: Франции достался бы левый берег Рейна, Пруссии – Северная Германия, а Австрии отходила бы южная часть территории Баварии. Кое-что из этого расклада действительно составляло суть решения, которого добивалась старая дипломатия со времен Вестфальского мира, – некоторые называли это решение «полонизацией Германии», – и, если бы принципы старой дипломатии взяли верх, так могло бы и произойти.

Но так не случилось. Тугут не позволил Пруссии осуществить желаемую консолидацию территорий, а французы не ограничили свои аппетиты левым берегом Рейна. Плохо то, что они возвели секуляризацию в универсальный принцип. Еще хуже была их программа перераспределения земель, которая игнорировала существование двух немецких держав и была нацелена на создание промежуточных феодальных владений в надежде, что Пруссия и Австрия удовлетворятся формальным лидерством в рейхе. К тому же французы планировали передать церковные земли трех выборщиков светским династиям Гессен-Касселя, Вюртемберга и Оранг-Нассау. Лишь во время Реформации возникал такой же ажиотаж вокруг захвата земель, который охватил теперь немецких князей. Во главе с ландграфом Гессен-Касселя и маркграфом Бадена они ринулись в Париж и Раштатт, выпрашивая милостей у французских победителей. «Французы навязали свой закон, – комментировал события Клеменс Меттерних, – причем с высокомерием и самоуверенностью, кажушимися невероятными для тех, кто не знает тайных устроителей наших бед».

В это время одним из главных французских империалистов был сам Бонапарт. Он лично явился в Раштатт. Его солдафонские глаза излучали тайное желание завладеть потенциалом живой силы рейха, а острый политический ум предвкушал выгоды политики «разделяй и властвуй». Он предвосхищал раздачу вознаграждений друзьям и наказаний врагам, покуда Франция эксплуатирует эффект своей уникальной и устрашающей способности формировать многочисленные армии. Наполеон пробыл в Раштатте недолго, покинув его за несколько дней до прибытия туда Меттерниха, слава которого была уже громкой, а влияние на политику Франции значительным. Меттерних был крайне раздосадован тем, что разминулся с Наполеоном, и он чутко прислушивался к разговорам о неминуемом возвращении прославленного генерала на конференцию. Однако тот больше не приезжал. Таким образом, борьба за Германию началась, когда оба антагониста так и не могли свидеться.

Возможно, это и к лучшему. Встреча между героем войны и малоизвестным представителем графов Вестфалии не могла бы произойти на равных. Да и почти не было внешних признаков того, что будущий министр иностранных дел набирается опыта. Во время пребывания в Раштатте Меттерних постоянно посещал балы, спортивные игры, казино и концерты, к тому же он получил скандальную известность из-за флирта с актрисами и шумного поведения во время игры симфонического оркестра. Внутренне он стал приобретать «хладнокровие лекаря», которое некогда резко порицал. Он усваивал австрийский взгляд на политику. Если он и выражал сожаление по поводу потери левого берега Рейна, то не потому, что разделял отцовские чувства в отношении рейха, но потому, что не мог выносить мысли о захвате его дома «этими негодяями». Тем не менее разногласия с отцом носили тактический, но не принципиальный характер. Он опасался, что упрямое сопротивление переменам закончится потерей левого берега Рейна без компенсации. Ни один из Меттернихов не желал бы этого. Как институт, рейх все еще служил их интересам, независимо от размеров его тер-

ритории и местопребывания их семьи. В душе Клеменс Меттерних оставался рейхсграфом, почтительным сыном своего отца.

Глава 2

Упадок и крушение Рейха

Летом 1798 года в Раштатте к Меттерниху присоединились жена и маленькая дочь. Во всем остальном в его жизни ничего не изменилось. На конференции были приняты принципы секуляризации церковных владений и компенсации за утраченные поместья. Но сложности их практического осуществления затягивали переговоры до бесконечности. В начале следующего года стало ясно, что война будет продолжаться. В марте, когда пребывание в таком пограничном городе, как Раштатт, стало внушать беспокойство, Клеменс Меттерних вместе с родными вернулся в Австрию. Все еще не наладив отношения с Тугутом, он вел частную жизнь, чередуя увлечения наукой в Аустерлице с посещениями в столице аристократических салонов, где обсуждалась политика. Лишь после отставки Тугута из-за катастрофического мира в Луневиле в феврале 1801 года Меттерниху предоставилась возможность продолжить дипломатическую карьеру.

В эти два года он наблюдал события, связанные с войной Второй коалиции. Вопреки надеждам, которые питал Меттерних во время пребывания в Раштатте, конференция превратилась в «заранее спланированную игру», исход которой определялся не столько переговорами, сколько действиями двух отсутствовавших держав. Одной из них была Великобритания, которая продолжала войну и поэтому отвлекала внимание Бонапарта от Германии к Египту. Другой державой была Россия, которую встревожили амбициозные планы французов в Центральной Европе, обеспокоила судьба Баварии, Вюртемберга и Бадена, ее подопечных в империи. Россию возмущало то, что ее права как гаранта статус-кво в Германии совершенно игнорировались. Император Павел I стремился воссоздать коалицию европейских союзников, подорванную сепаратными мирными договорами с Францией. Он предупредил Директорию, что не потерпит враждебных действий против «нашего союзника, императора Священной Римской империи, или действий, ведущих к уничтожению Германской империи».

Если Первая коалиция погибла из-за поражения, то Вторая была рождена победой. Разгромив французскую армию на Ниле, Британия оказалась в положении соперницы России в Восточном Средиземноморье. Аналогичный характер приняли отношения между Россией и Австрией. После ряда долгожданных побед в Италии венское правительство стало тяготиться присутствием русских войск в Центральной Европе и чинить препятствия дальнейшему сотрудничеству с Россией. Однако император Павел, заподозрив, что австрийцы прибегают к уловкам с целью вовлечь Россию и Францию в губительную войну, отвел свои армии на родину и начал политику примирения с Францией. На этом пути Россия добилась посредством переговоров того, чего не смогла достигнуть при помощи войны, — влияния в решении проблем Германии, Италии и Леванта.

Изменение политики России поставило перед «фланговыми державами» в Центральной Европе ряд выборов. Выбор Австрии тем не менее был прост: либо препятствовать делу укрепления рейха, когда оно близилось к успеху, либо добиваться его полного успеха, чтобы затем обнаружить себя в подчинении более сильного союзника. Выбрав первое, она обрекла себя на поражения от французов 14 июня 1800 года при Маренго и 3 декабря того же года при Гогенлиндене. После этого Австрия запросила мира. На этот раз французские представители настаивали на том, чтобы Франциск Габсбург подписывал мирный договор и от имени рейха. Они не хотели повторять опыт Раштатта, когда Франц Георг отказывался от имени императора уступить то, что Кобенцль соглашался отдать от имени короля Венгрии.

По Люневильскому договору от 9 февраля 1801 года Австрия согласилась уступить все, о чем шла речь в Кампоформио, и даже больше. Был подтвержден принцип секуляризации церковных владений в Германии, аннулирована статья договора Кампоформио относительно Клевса и Гелдерланда, причем таким образом, чтобы Пруссия получила компенсацию в Восточной Европе за свой нейтралитет. Теперь весь левый берег Рейна, включая сильную крепость Майнц, был французским де-факто и де-юре. Между тем уничтожение всех укреплений на правом берегу оставляло Южную Германию на милость французов, а путь через Дунайскую долину к Вене – незащищенным. От Кампоформио в наследство остался также план удаления дяди Франциска, герцога Мадены, в Германию. Теперь он был подтвержден. Такая же судьба была уготована брату Франциска, Фердинанду, великому герцогу Тосканы. Реализация этой затеи не только покончила с австрийским влиянием в Италии. Это вынудило также Австрию содействовать перекройке территории рейха, иначе родственники Франциска не получили бы ничего.

Однако в Люневиле даже не упоминалось о компенсации Австрии потерь за счет Верхней Баварии и Зальцбурга, что составляло внутреннюю мотивацию договора Кампоформио. Причиной перемены в позиции Франции было желание Бонапарта умиротворить Россию, самозваную защитницу курфюршеств Южной Германии. Потому что Наполеон стал в это время первым консулом Франции, а российского императора Павла сменил Александр I. Этот государь еще энергичней, чем его предшественник, требовал своего участия в реорганизации Германии. 10 октября 1801 года граф Аркадий Марков от России и князь Шарль Талейран от Франции подписали совместную конвенцию, согласно которой Франция и Россия должны были сообща диктовать условия политического устройства Германии и Италии. Заранее предполагалось, что они отнесутся к Баварии, Вюртембергу и Бадену с особой благосклонностью. За этим снова последовала отчаянная конкурентная борьба курфюрществ империи за благожелательное отношение извне, но на этот раз они обращались за покровительством как к Маркову, так и к Талейрану, а некоторые из них направили своих лоббистов в Санкт-Петербург. Трехстороннее соперничество за «третью Германию» превратилось в четырехстороннее.

И снова беда Австрии обратилась личной выгодой Клеменса Меттерниха. Барону Тугуту, к которому в Вене все чаще обращались как к барону Тунихтуту, пришлось заплатить своей должностью за неудачи Австрии, хотя он лучше других, возможно, представлял себе проблемы континентальной, удаленной от моря страны, того выбора, который стоял перед Россией, и понимал ненасытные амбиции Наполеона. Его преемником стал граф Кобенцль, старый друг Франца Георга, которому последний был обязан своим дипломатическим постом в Раштатте. Кобенцль и теперь пришел на помощь. Благодаря ему Клеменсу не только был предложен пост в министерстве иностранных дел, но и выбор места службы между Дрезденом, Копенгагеном и Регенсбургом. Для молодого человека без дипломатического опыта это было большое достижение. Обычно в таких случаях можно было рассчитывать лишь на пост секретаря посольства. Но Кобенцль был близок к Кауницам и Лихтенштейнам, а его сестра, графиня Ромбек, особенно симпатизировала рейнцу, который, очевидно, очаровывал всякого гостя на ее званых вечерах. Как бы то ни было, поступление Меттерниха на государственную службу обусловили не только личные связи, но и признание его таланта.

Хотя Меттерних получил назначение в феврале 1801 года, бюрократические проволочки не позволили ему выехать в Дрезден до ноября. Между тем Клеменс использовал свое новое положение, чтобы получить доступ к официальным документам в Вене и под опекой опытного эксперта Карла Дайзера фон Силбаха проводил месяцы за изучением подоплеку австрийской политики. Как это бывает, он стремился поскорее освоить то, на что требовались годы службы карьерного дипломата. Меттерних подвел итоги своим трудам в тща-

тельно продуманном меморандуме, который надеялся захватить с собой в Дрезден в качестве руководства. Тот факт, что документ не был использован по назначению, не умаляет его ценности как свидетельства образа мышления дипломата-энтузиаста в мрачное время, последовавшее за Луневилем.

Подвергая анализу в меморандуме «современное состояние европейской политики», Меттерних все еще усматривал во Французской революции причину всех происходивших перемен, гораздо более важных, чем те, которые были вызваны «тремя великими войнами прошлого века». Тем не менее он обращает основное внимание не столько на социальные потрясения, сколько на развал европейской государственной системы. Явно демонстрируя свой «австрийский» взгляд на дипломатию, он усматривает немало «косвенных преимуществ» как в потере Нидерландов, «самой отдаленной и самой дорогостоящей в смысле обороны нашей территории», так и в территориальных компенсациях в Италии, которые имели следствием выдвигание на передний план торгового превосходства вместо контроля над Адриатикой. Сам Тугут не смог бы обосновать лучше отечественные интересы. Однако в документе было еще одно, что отличало Меттерниха как от Тугута, так и от Кобенця. Речь идет о его убеждении, что благополучие Австрии зависит гораздо больше от европейского равновесия, чем от ограниченных территориальных приобретений. Вот почему он не был удовлетворен существованием статус-кво, усматривая в нем лишь возможность восстановить силы, привести в порядок внутренние дела Австрии и найти новых союзников для военного противоборства.

Необходимо решительно подчеркнуть, что с потерей Виннебурга-Байльштайна и отсутствия по-прежнему всякого намека на компенсацию интересы семьи Меттерних вызвали к постепенному возобновлению войны с Францией. Очевидно также и то, что рекомендации Клеменса имели здоровую основу и опирались на объективный анализ действительности. Они оставались сутью политики Меттерниха многие годы спустя после того, как он расстался с мечтой вернуться в Рейнскую область и стал воплощением австрийского государственного деятеля. Симптоматично для все более беспристрастного суждения Меттерниха, что он считал ответственной за разрушение баланса сил не только Францию. Разумеется, территориальные захваты нужно было у Франции изъять, но и Англия сделала так много завоеваний, что мир может быть обеспечен лишь в том случае, если эта держава откажется от них. Раздел Польши он характеризовал как «противоречащий всем принципам здоровой политики», ставший возможным только из-за «слепого стремления к территориальной экспансии» в Берлине и Санкт-Петербурге. В схожей манере он оценивал рывок России на запад. «Располагая ресурсами, которыми не владеет ни одна другая цивилизованная страна, – писал он почти с завистью, – способная по собственному произволу покончить с любым альянсом и любой войной, просто отведя свою армию, неуязвимая для вторжения извне, Россия, благодаря своему географическому и политическому положению, всегда опасна, и особенно под властью правительства, которое действует совершенно беспринципно, исходя из выгоды момента».

Больше других он порицал за разрушение баланса сил Пруссию. Хотя Меттерних сомневался в том, чтобы выгоды от ее территориальных приобретений превышали риск иметь слишком протяженную общую границу с Россией, он осуждал прусские планы распространения гегемонии на Северную Германию и предостерегал саксонский двор от опасного союза с Пруссией. Он делал вывод, что надеждой Саксонии, окруженной Пруссией с трех сторон, должна быть Австрия. Только в этой связи он говорил с долей сентиментальности о конституции рейха. В конце концов он больше ничего не мог сказать курфюршеству, которое не менее, чем Пруссия, стремилось поглотить карликовые княжества рейха, заручившись поддержкой Франции и России.

Во всем этом было смутное ощущение того, что идеологическая борьба, начатая Французской революцией, переходила в похожие стычки между великими державами. Так всегда считали и «твердолобые» в Вене. Что бы ни значила революция для отживших социальных институтов Европы, ранние суждения о ней Меттерниха с его склонностью сводить все к конфликту между революцией и консервативным режимом являются поверхностными. Скорее ситуация складывалась так, как если бы эгалитарная Франция, либеральная Англия, автократическая Россия, бюрократическая Пруссия и династическая Австрия, которые глубоко различались своим внутренним устройством, вовлеклись в бескомпромиссную борьбу за контроль над более слабыми государственными образованиями старой Европы и ее колониальными придатками. У каждого из соперников были свои преимущества: у Франции – беспрецедентная энергия революционных масс, у Англии – военно-морская мощь, у России – ее удаленность от Центральной Европы, у Пруссии – неприхотливость и упорство, хотя ее нельзя было сравнивать по мощи с перечисленными выше державами. Лишь Австрия, кажется, не располагала набором отличительных свойств, за исключением ее положения в центре Европы. Извлечь выгоду из этого можно было только в такой Европе, где было бы восстановлено равновесие сил.

Этот новый акцент на соперничестве государств, а не доктрин вовсе не означал, что Меттерних отрекся от консерватизма своих студенческих идей. Наоборот, во время пребывания при дворе Саксонии он начал продолжительное и интеллектуально полезное сотрудничество с Фридрихом фон Генцем, одним из ярких последователей Эдмунда Берке, которого Меттерних встречал в Англии. Генц был склонен превращать консерватизм в догму. Он противопоставлял его всем революционным доктринам, как если бы это противопоставление отражало глобальную борьбу между добром и злом. Меттерних, со своей стороны, продвигался к более широкому взгляду. Этот взгляд состоял в том, чтобы не подвергать революцию ostracismu, но включать ее в набор явлений политической жизни, которые государственный деятель должен расчетливо принимать во внимание и использовать к своей выгоде. Когда Меттерних говорил о своих принципах, он ссылаясь не на политические догмы или проекты совершенного общественного устройства, но на максимы, которые раскрывали метод, заключавшийся в суждении по существу дела. «Я начинаю всегда со спокойного обдумывания проблем этого мира», – сформулировал он свой метод через много лет. К этому времени, надо сказать, его метод скатывался к неприкрытому цинизму, который подстерегает всех, кто одержим одним лишь методом.

Меттерних предпочел Дрезден Регенсбургу, месту заседаний рейхстага, из желания быть ближе к процессам, происходившим в Восточной Европе. Этот выбор лишил его возможности находиться в горниле политической жизни Германии, поскольку именно в Регенсбурге должны были начаться важные переговоры относительно перестройки рейха. Но в связи с печальным опытом отца, принявшего неблагодарное назначение в Раштатт, понятно, что у его сына не было ни малейшего желания «наблюдать раболепство элиты Германской империи» и (что можно смело предположить) вероятный крах многообещающей карьеры дипломата. После позорного Люневильского мира добиться славы и успеха в столице Священной Римской империи было невозможно. Таким образом, Меттерних не принимал прямого участия в подготовке имперской депутации, выбранной рейхстагом для переговоров с французскими и российскими посредниками. Отсутствовал он и при утверждении 25 февраля 1803 года знаменитого постановления имперской депутации, или Имперского эдикта, крайне важного для понимания политической жизни эпохи Меттерниха.

Имперский эдикт заложил основы современной Германии не в смысле упрочения ее единства, а в смысле ликвидации остатков церковных и муниципальных средневековых институтов и распространения власти современных земельных правительств. Владения церкви были напрочь экспроприированы, а большинство имперских городов аннексировано,

то есть подчинено политической власти светских князей более крупных государственных образований, которые отныне стали связующим звеном между этими городами и императором. Были и некоторые исключения, дань традициям прошлого и уступка практическим потребностям настоящего. Карл Теодор фон Дальберг, архиепископ выборного Майнца и главный канцлер империи, сохранил свой статус и получил в награду земли у Регенсбурга за сотрудничество с Наполеоном. Он и великий магистр ордена тевтонских рыцарей были единственными из правителей церковных владений, кто сохранил свои территории и власть. Сохранили свободу шесть городов: Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт, а также города Ганзейского союза – Любек, Бремен и Гамбург. На время перенесли бурю имперские рыцари, бароны и графы, потому что Бонапарт решил благоразумно придержать часть клиентуры для будущих распределений земель и имущества. А может, потому, что он еще не решил, каким образом реорганизовать третью Германию.

Для Австрии Имперский эдикт был неприемлем. Но сопротивляться ему было физически невозможно из-за обескровленной армии и пустой казны. Чтобы получить компенсацию за великое герцогство Тосканию, ей пришлось отказаться от своих претензий на Зальцбург, Берхтесгаден и Пассау, земли которых обеспечивали ей действительно надежную границу. Великое герцогство принадлежало брату Франциска Фердинанду, но это не гарантировало, как станет ясно позднее, постоянных связей его владений с Австрией. Хуже того, единственный способ обезопасить герцога Мадены состоял в отказе от Ортенау и Брайсгау, последних оплотов Австрии на Рейне и, по совпадению, территорий, где находились родовые имения матери Меттерниха. В компенсацию за них Австрия получила Трент и Бриксен в Южном Тироле. Это как-то восполняло потери в Италии, но не перевешивало утрат на Рейне. Изменения конституции рейха были еще более болезненными. Маркграф Бадена и герцог Вюртемберга заменили в коллегии выборщиков архиепископов Трира и Кельна, дополнительный избирательный округ был создан для Гессен-Касселя. В этом округе, так же, как и во всем рейхстаге, большинство теперь составляли протестанты. В случае новых выборов Габсбурги не имели шансов на победу.

В некотором отношении последнее обстоятельство играло наиболее важную роль в формировании дальнейшей политики Австрии. Разве Габсбурги что-либо значили без имперского титула? Они стали бы для Европы просто королями Венгрии. Внутри рейха они считались бы не более чем эрцгерцогами Австрии и королями Богемии, вассалами тех, кто пришел бы им на смену в качестве императоров. Не могло быть никакого «королевства Австрии», поскольку австрийскую монархию создала отнюдь не Прагматическая санкция. Она лишь обеспечила союз территорий на основе личной связи, причем ни одна из территорий не пользовалась статусом великой державы. Юридически сама Прагматическая санкция, о чем говорит ее название, стояла на сомнительном фундаменте политической целесообразности. Ей однажды уже бросал вызов Фридрих Великий, и оспорить ее в дальнейшем могли все, кого она не устраивала. Лишившись влияния в рейхе, свалившись с вершин могущества, династия могла столкнуться с трудностями в удержании земель, сплотившихся под ее короной. Таким образом, хотя Имперский эдикт касался только рейха, он оказывал влияние и на внутреннюю обстановку в Австрийской империи, ставя перед Франциском проблемы, сопоставимые с теми, что досаждали Карлу VI.

Эти напасти дома Габсбургов опять же послужили к выгоде Меттернихов. Избирательные округа церковных владений в целом голосовали в рейхстаге за Австрию, теперь же, когда они были ликвидированы, венский двор лихорадочно искал другие способы упрочения своего влияния. Граф Франц фон Колоредо, вице-канцлер по имперским делам (и в этой должности дополнявший Кобенцля, который был вице-канцлером по делам двора и государства), крайне нуждался в беженцах из Рейнской области. Где только возможно, он ходатайствовал за предоставление их новым владениям статуса княжеств вместо графств, рассчиты-

вая, что они дадут в рейхстаге голоса, утраченные из-за ликвидации церковных владений. В результате Франц Георг Меттерних не только получил бывшее аббатство Охсенхаузен, к югу от Ульма в Швабии, которое в имущественном отношении значительно превышало Виннебург-Байльштайн, но также был пожалован титулом князя и, возможно, собственным голосом в рейхстаге. В финансовом отношении состояние семьи Меттерних значительно укрепилось. Но поскольку титул относился к владению, а не к семье, то носить его мог только Франц Георг. Клеменс оставался графом.

Задача Клеменса Меттерниха состояла между тем в том, чтобы склонить двор Дрездена к принятию нового австрийского толкования рейха. У протестантской Саксонии больше не было оснований возражать Австрии, особенно в связи с тем, что выборщик Саксонии был единственным представителем имперской депутации, не вовлеченным в территориальный передел. С другой стороны, Австрия, доказывая Меттерних, была единственной опорой Саксонии в защите от притязаний Пруссии, рейх же оставался плацдармом для акций, выгодных всем. Меттерних добился, однако, лишь минимального успеха. Выборщик стремился всячески умиротворить Пруссию и заигрывал с Францией. В связи с проблемами голосования в рейхстаге он дал ясно понять, что, хотя и разделяет взгляды Австрии на эти проблемы, тем не менее не будет голосовать в ее пользу. На это Меттерних возражал, «что конституция рейха неизбежно рухнет, если главные княжества займут пассивную позицию в столь важных вопросах». Всем, что сохранилось от ее престижа, Австрия была обязана искусству Меттерниха в вопросах протокола, но и здесь были сбои, когда вмешивался французский министр иностранных дел.

Падение австрийского влияния в Германии, несомненно, было предопределено изменением соотношения сил на континенте. И все-таки большинство германских князей, даже тех из них, которые получили большие выгоды от Имперского эдикта, предпочитали держать нейтралитет в отношениях между Францией и Австрией, если их материальные интересы не требовали занять иную позицию. Главной проблемой стало определение статуса имперских рыцарей и графов, владения большинства из которых в силу нового порядка частично или полностью были окружены более крупными владениями князей. Группа последних во главе с Максимилианом Иосифом Баварским (приятелем Меттерниха по учебе в Страсбурге) и Фридрихом Вюртембергским провозгласили вскоре союзеренитет над сотнями мелких владений в Швабии, Франконии и прирейнских землях. Для Австрии была особенно важна Швабия, поскольку Вена сама рассчитывала на конфискацию здесь значительной собственности, предложив взамен ее владельцам выгодные посты на австрийской службе. Кобенцль был вынужден действовать решительно, поскольку на карту были поставлены престиж австрийской монархии, пополнение армии рекрутами и будущее перераспределение владений рейха. Прежде всего он направил армию к баварской границе. Затем в январе 1804 года он получил постановление Совета личных консультантов императора в Вене, аннулировавшее все акты аннексий. Своей способностью реализовать постановление он был обязан главным образом Бонапарту, который не желал обострять обстановку в Германии и рекомендовал князьям быть сдержанными.

Имперский совет в своем постановлении ограничился лишь легкой критикой Фридриха, который оставался лояльным Австрии даже после выхода в свет Имперского эдикта, конфискационные решения которого не нанесли Австрии ущерба. Тем не менее Фридрих тоже постепенно занял в отношении венского дворца Хофбург враждебную позицию. Долгое время Вюртемберг славился законопослушностью входящих в него феодальных владений, которым удавалось сдерживать «старым добрым законом», как его ласково называли в Вене, напор абсолютистских тенденций века. Фридрих был часто не в ладах с феодальными владениями, а летом 1804 года он бросил им вызов, отказавшись утвердить одного из их представителей для голосования в рейхстаге. Это был также вызов Австрии, поскольку он про-

тиворечил тому, что осталось от имперского закона, и курфюрсты немедленно пожаловались в Имперский совет, где прежде уже находили поддержку. В ответ на жалобу совет постановил 16 августа, чтобы выдвинутый в рейхстаг представитель курфюршеств был утвержден. Фридрих отказался выполнить постановление, обратившись за поддержкой к Франции. Несмотря на родственные связи с русским царем, он стал одним из самых надежных союзников Бонапарта.

Австрия снова выступила в защиту курфюрществ. Ее интересы более чем когда-либо совпали с интересами низшего дворянства, с интересами как промежуточных феодальных владений в герцогствах, так и курфюрществ самого рейха. С учетом необходимости сплотить курфюрщества усеченного рейха решение Имперского совета было, несомненно, правильным. Однако в долгосрочной перспективе связи с небольшими курфюрществами в Германии при разрыве отношений с крупными княжествами стали серьезной помехой австрийской политике, помехой, которую Меттерних, занявший наконец место Кобенцля, старался обходить.

Стремление Кобенцля поддерживать малые курфюрщества было отчасти данью традиционной политике, но здесь присутствовало также желание укрепить связи Австрии с рейхом. Лишь несколькими месяцами раньше, в мае 1804 года, французский сенат провозгласил Наполеона императором и добивался теперь от Австрии признания этого акта. Ответом Кобенцля было требование в обмен на это предоставить Австрии право превратить власть в рейхе в наследственную монархию Габсбургов, чтобы устранить таким образом раз и навсегда опасную неопределенность в отношении исхода будущих выборов в рейхстаге. Только после отказа в этом требовании он решился на более радикальный план: создание новой подлинной Австрийской империи, включающей земли, которые были присоединены к ней одной лишь Прагматической санкцией. Наполеон в конце концов согласился на это, очевидно полностью отдавая себе отчет в том, сколько трудностей встретит австрийская корона на пути реализации этого плана. Потому что австрийская корона ставила под свой суверенитет земли, бывшие владениями других курфюрществ. Это был зловещий пример для всех промежуточных феодальных владений, которые стремились обрести суверенитет.

Разумеется, отдавал себе отчет в этом и Кобенцль, но он исходил из предпосылки, что в данных условиях Франциск будет последним Габсбургом, который носит корону императора Священной Римской империи, независимо от того, какова будет судьба рейха. Если рейх продолжит существование под властью другой династии (какая из них будет хуже: Бонапарты или Гогенцоллерны?), тогда будет еще больше оснований связать германские и негерманские земли такими же узами, какими были прежние узы Австрии с Германией, или даже более прочными. Таким образом, вице-канцлер заранее соглашался с достойным выходом Австрии из рейха. Вопреки мнению восторженных памфлетистов, Кобенцль лишь выполнял свой долг, и, надо сказать, из двух империй, основанных в 1804 году, его империя пережила наполеоновскую на 100 лет.

Приближалось время, когда Меттерних в большей, чем Кобенцль, степени обеспечивал политику создания новой Австрийской империи. Во время же ее основания он всей своей душой был на стороне рейха – по крайней мере решительно возражал против признания Наполеона императором. Положа руку на сердце следует признать, что он отвергал большую часть политики Кобенцля. Если вице-канцлер считал германских князей «достойным сожаления приложением» к Франции, то Меттерних считал их повальное дезертирство из рейха «непостижимым». Если Кобенцль считал Наполеона укротителем революции, деятелем, с которым можно иметь дело, то Меттерних следовал доктрине Генца, усматривавшего в корсиканце инструмент революции. Если Кобенцль склонялся к осторожному сближению с Россией ради воздействия на Францию, то Меттерних выступал за всесторонние связи с ней с целью образования единого фронта против Франции. Короче говоря, Кобенцль стре-

мился к примирению и миру, Меттерних же хотел войны. Возможно, Кобенцль отдавал себе отчет в этом, поскольку в инструкции от ноября 1803 года подчеркивал необходимость того, чтобы посол «был полностью согласен с нашими целями и действиями».

Упомянутая инструкция послужила наставлением общего характера для нового назначения Меттерниха – послом в Берлине. В сравнении с южногерманскими курфюршествами Саксония, придерживавшаяся нейтралитета, позволяла Клеменсу Лотару показать себя в выгодном свете. «Граф Меттерних молод, но тактичен», – отзывался о Клеменсе Колоредо. И в начале февраля 1803 года вопрос о назначении Меттерниха был решен. Назначение было вызвано тем, что Имперский эдикт нормализовал австро-российские отношения и повлек за собой перевод посла в Берлине, графа Филиппа Штадиона, в Санкт-Петербург. И снова хорошо известная бюрократическая волокита сыграла свою роль. Меттерних задержался в Дрездене на три месяца, несколько месяцев еще проводил отпуск в Охсенхаузене и лишь в ноябре отправился в прусскую столицу.

Первоначально от него требовалось влиять на позицию Пруссии в европейских делах. Нейтралитет этой державы в целом отвечал целям политики умиротворения, проводимой Кобенцлем. Меттерниху поручалось поддержать усилия Штадиона по формированию союза Австрии с Россией. Достигнуть этого было проще простого. Россия уже давно стремилась к такому союзу, так как политика Наполеона в отношении Германии полностью игнорировала ее установку на нейтрализацию германских курфюршеств. На этой почве между Россией и Францией возникала уйма конфликтов. Когда царь Александр предложил свое посредничество по совместному с французами решению в Вене спорных вопросов Австрии и Баварии, Наполеон направил это предложение на рассмотрение рейхстага в Регенсбурге, где пожелания России не были приняты во внимание. Когда Александр несколькими неделями позже осудил насильственный захват на территории Бадена бургундского герцога Энгиенского, Наполеон объявил о том, что франко-российское посредничество в Германии закончено. Когда Россия направила по этому поводу протест в рейхстаг, за рассмотрение его осмелились высказаться только два представителя курфюрществ, опекаемых крупными державами (Ганновер, связанный с Англией, и Померания, связанная со Швецией). Самое большее, чего они добились, состояло в том, что вопрос с русским протестом был положен под сукно, вместо того чтобы быть отвергнутым сразу. Когда снова разразилась война между Францией и Англией, Наполеон занял Ганновер и свободные ганзейские города, чтобы воспрепятствовать торговле курфюрществ, расположенных между Эльбой и Вислой, с англичанами. Это было тоже вызовом России. Подобно другим наполеоновским креатурам – Батавской, Швейцарской и Цизальпинской республикам, – Германия была нейтральной только по названию. Теперь Россия была заинтересована больше всего в том, чтобы привлечь на свою сторону и Австрию, и Пруссию, то есть сформировать Третью коалицию.

Меттерних ликовал в связи с таким поворотом событий. Под влиянием Генца он выступил за союз Австрии с Пруссией и, убежденный в том, что «на политику прусского кабинета может повлиять лишь держава, внушающая Германии страх», он считал, что давления одной лишь России на Пруссию будет достаточно. Поэтому он делал ставку на безоглядное сотрудничество с представителями Санкт-Петербурга, будь то барон Максимилиан фон Алопеус, или специальный посланник, генерал Фердинанд Винцингероде, или сам царь, который лично прибыл в Берлин в октябре 1805 года, чтобы повлиять на Фридриха Вильгельма собственной персоной.

Однако проблема состояла в том, что министерство Кобенцля – Колоредо делало различие между союзом ради войны и поисками мира. Более того, Кобенцля тревожили практические соображения, которыми его посол в Берлине был склонен, кажется, пренебречь. Речь идет о непосредственной военной угрозе, которая могла бы исходить от Баварии, если бы Макс Иосиф присоединился к Наполеону. Это было весьма вероятно. Расположенная по

обоим берегам Дуная, баварская армия численностью в 650 тысяч солдат могла либо преградить путь Наполеону, либо нанести удар по Вене в передовых частях сил неприятеля. Командование австрийской армией не желало ждать, какая из двух возможностей превратится в реальность. Когда война наконец разразилась, Кобенцль прибег к неприкрытому запугиванию, направив Баварию ультиматум, который на деле лишь подтолкнул ее к союзу с Наполеоном. Другая проблема заключалась в непредсказуемости поведения русских армий, которые находились вдалеке и могли быть отведены в любое время в период кризиса, как это случилось в 1799 году. Очевидно, Кобенцль усматривал в русских армиях главным образом средство обуздания Пруссии. Пессимизм в оценках прусских намерений и русских возможностей был достаточным основанием для миролюбия, особенно в связи с тем, что военный совет двора в Вене во главе с эрцгерцогом Карлом сомневался в боеспособности самой Австрии. Тем не менее в перспективе решимость Наполеона господствовать в Германии не вызывала сомнений. Поэтому после заключения предварительного альянса с Россией в ноябре 1804 года Кобенцль дал указание своему послу в Берлине продолжать усилия по укреплению отношений с русскими.

Сложилась обстановка весьма благоприятная для интриг, и Меттерних быстро развил свой врожденный талант к ним. За спиной нейтрально настроенного первого министра, графа Христиана Августа Хаугвица, он сговаривался с оппонентом первого министра, бароном Карлом Августом фон Харденбергом, который, несмотря на свою роль в заключении Базельского соглашения, был человеком широких взглядов в отношении Европы. Вместе с Алопеусом он затеял интриги с целью смещения со своего поста профранцузского советника кабинета министров Йохана Вильгельма Ломбардского. Когда царь Александр безапелляционно потребовал согласия Пруссии на проход русских войск через ее территорию, Меттерних в числе первых поддержал это требование, ожидая от него подтверждения своего мнения о «влиянии страха» на берлинских политиков.

Однако в этом случае он ошибся в своих ожиданиях. Фридрих Вильгельм, более всего ценивший свободу действий своей страны, был настроен против уступок любой державе. Лишь позже, когда французская армия повторила ошибку царя вторжением в Пруссию в районе Асбаха, Берлин возобновил переговоры с русскими и австрийцами. Меттерних понимал, что ошибка такого рода легко могла стать непоправимой. Позднее он отрицал, что имел к ней какое-либо отношение. Из этого эпизода и из злосчастной бесцеремонности Кобенцля в отношении Баварии он уяснил, что слабое государство, не будучи на самом деле свободным в своих действиях, тем более склонно ценить видимость свободы и расположено к тем, кто уважает его достоинство, сколь бы оно от них ни зависело. Будучи позже министром иностранных дел, Меттерних не исключал шантажа, но он также учитывал важность выбора времени для этого и пришел к пониманию того, что угрозы и оскорбления, нанесенные вдобавок к прямому ущербу, оставляют более глубокие раны, чем постановка перед совершившимся фактом.

Помимо этой ошибки, во всем остальном Меттерних показал себя в Берлине приверженцем гибкой дипломатии, и его деятельность почти везде встретила одобрение. Его наградили орденом Святого Стефана, а Генц, несомненно предпринявший много усилий для того, чтобы внушить своему другу веру в альянс с Пруссией – не из соображений конъюнктуры, а в качестве краеугольного камня будущей австрийской политики, – считал Меттерниха единственным дипломатом, достойным занять пост министра иностранных дел. Это дорогого стоило, особенно в связи с тем, что посол в Берлине не достиг своей цели. Самое большее, чего он и царь Александр смогли добиться от Пруссии, было обещание военной поддержки, прописанное в ноябре 1805 года в Потсдамском соглашении. Оно предусматривало присоединение Пруссии со 180-тысячной армией к коалиции, если до 15 декабря Наполеон не примет мирные условия союзников. Взамен царь Александр обещал добыть, если сможет,

для Пруссии Ганновер – совершенно нереальное обещание ввиду позиции Англии. Британский посол в Берлине воспринял весть об этом обещании из уст Меттерниха весьма эмоционально: он упал в обморок. (Этим послом был лорд Хэрроуби.) К условиям союзников Меттерних, очевидно по собственной инициативе, пытался прибавить статью, обязывающую Пруссию вмешаться, если австрийская армия потерпит поражение. Хотя предложение было отвергнуто, оно, по крайней мере, продемонстрировало пророческий дар Меттерниха, поскольку то, что он предполагал, свершилось на самом деле. 2 декабря при Аустерлице объединенная австро-русская армия была разгромлена в одном из самых блестящих сражений, которые дал Наполеон.

За поражением последовал ряд трагических ошибок, сводимых в конечном счете к нерешительности царя Александра, который колебался между защитой центральных государств и торгом с Францией за их счет. Когда кайзер Франц вызвался продолжать войну, если его поддержит Россия, Александр занял выжидательную позицию, отказываясь от мира с Наполеоном, но настаивая в то же время на отводе своих армий из Австрии. Фридрих Вильгельм, чьи бесхитростные решения редко увязывались с правовыми соображениями, взглянул на проблему шире. Он пришел к выводу, что проигрыш союзниками сражения не имеет ничего общего с обязательствами Пруссии по Потсдамскому соглашению. Он послал к союзникам полковника Пхула, чтобы объявить, что Пруссия будет действовать по собственному усмотрению. Между тем австрийцы, обескураженные уходом русских, потихоньку начали мирные переговоры. Граф Хаугвиц, теперь прусский посол в Париже, решив, что его правительство собирается покинуть коалицию, выступил с инициативой заключения сепаратного мира с Наполеоном. По его условиям, Пруссия должна была получить Ганновер, уступив Ансбах, Нешатель и остаток Клевса. Это происходило во дворце Шенбрунн в Вене. Со своей стороны Меттерних в Берлине предпринимал лихорадочные усилия, чтобы вовлечь в войну Пруссию. 15 декабря для его поддержки прибыл генерал Карл фон Штутерхайм, направленный Францем с единственной целью – рассеять опасения Пруссии относительно франко-австрийских переговоров.

Но именно 15 декабря Хаугвиц подписал соглашение с французами в Шенбрунне. Теперь почувствовали себя в изоляции австрийцы, и через две недели они подписали мирный договор в Прессбурге, выведший Австрию из войны. Между тем Фридрих Вильгельм в обстановке беспрецедентного замешательства делал все возможное для сотрудничества с Меттернихом и Штутерхаймом, а также с Алопеусом, несмотря на очевидные признаки того, что Россия окажет лишь символическую военную поддержку. В отсутствие вестей из Прессбурга он, возможно, и осудил бы договор, заключенный Хаугвицем. Но, оставшись с Наполеоном один на один, он ратифицировал в феврале 1806 года еще худший вариант договора, в котором к прежним условиям было добавлено требование франко-прусского союза.

Стало модным винить за австрийские неудачи робкого прусского монарха. Однако сам Меттерних никогда не опускался до этого. Беспощадный в оценках Хаугвица как деятеля и, естественно, негодующий по поводу подписания договора в Шенбрунне, Меттерних проявил достаточно «хладнокровия лекаря», чтобы осознать роль, которую сыграло в этих неудачах несовершенство средств сообщения. Более того, он имел дерзость довести до сведения своего правительства предположение, что вести о ведущихся Австрией переговорах о мире «положили конец всем действиям короля, направленным на оказание непосредственной помощи...». Если Меттерних и критиковал прусского короля, то не за то, что произошло, а как политик политика. Он считал, что в интересах самой Пруссии король должен был навязать свою помощь Австрии, а не дожидаться, когда оттуда поступит призыв о помощи, который так и не поступил из-за того, что австрийские руководители тоже не отличались решительностью. Такая зрелость мысли уже не могла быть свойственна дилетанту, и Клеменс Меттерних уже действительно им не был. Пребывание в Берлине, ставшем в те дни

центром европейской дипломатии, сделало его профессионалом. «Я повзрослел на 30 лет», – писал он Генцу о своем пребывании в Берлине. Он пришел здесь к основному выводу, что реальное значение событий 14 июля 1789 года во Франции состояло в том, что они привели к Аустерлицу. Не революция, а мощь Франции имела реальное значение.

Договор в Прессбурге нанес Австрии тяжелейший удар. Она уступила Итальянскому королевству Венецию, Далмацию и Истрию. Виттельсбаху были переданы Бриксен, Третин, Форарлберг, Тироль, включая Бреннерский перевал, что сделало Баварию крупнейшим альпийским государством. Разбросанные в Швабии австрийские владения, бывшие основной связующей нитью Австрии с рейхом, поделили между собой Вюртемберг и Бавария. Правда, в качестве компенсации Австрия получила наконец Зальцбург и Берхтесгаден, а великий герцог Фердинанд приобрел Вюрцбург. Но герцог Модены, которому по Имперскому эдикту отошли Ортенау и Брейсгау, теперь утратил эти два оплота на Верхнем Рейне и не получил никакой компенсации, хотя его право на нее было подтверждено. Определенное значение имела передача Австрии собственности тевтонских рыцарей вместе с учреждением великого магистра ордена, которое переходило к Габсбургам. С другой стороны, Бавария и Вюртемберг признавались суверенными государствами. В договоре они упоминались под претенциозными названиями членов Германского союза, хотя рейх еще не был официально распущен.

Никогда раньше, ни во время нападения толпы на здание городской ратуши в Страсбурге, ни во время бесплодных переговоров в Раштатте, Меттерних не был настолько удрученным. «Мир рушится, – жаловался он. – Европа погибает в огне, только из ее пепла возникнет новый порядок». Его отчаяние вполне понятно. Его первая важная дипломатическая миссия завершилась не просто провалом, но полным крахом. Хотя Меттерниха трудно было винить в этом, но в его адрес уже раздавалось достаточно критики со стороны русофобов и нейтралистов в Вене, а также со стороны вечных недоброжелателей семьи Меттерних. Более того, к неудачам на службе прибавились личные неурядицы. С потерей Швабии курфюршество Охсенхаузен подлежало неминуемой аннексии Вюртембергом. В то же время в Аустерлице Наполеон выбрал себе в качестве штаб-квартиры не что иное, как новый дом Меттернихов, дворец Кауницев – его мебель, библиотеку, белье и все остальное. Кажется, нигде нельзя было избавиться от алчных французов.

Проигрыш в войне произвел ошеломляющее воздействие на Австрию. Как ожидалось, Кобенцль и Колоредо ушли в отставку. Пост министра иностранных дел был передан графу Филиппу Штадиону, послу в Санкт-Петербурге. В отличие от австрийцев Тугута и Кобенцля, Штадион был рейхсграфом, впервые занявшим пост руководителя австрийской дипломатии как внутри Германии, так и за ее пределами. Выходец из Швабии, он не принадлежал, как Меттернихи, к обездоленным эмигрантам. С рейхом его связывали прочные материальные и эмоциональные узы. Его назначение свидетельствовало о решимости императора Франциска держаться в рейхе возможно дольше. Штадион сохранял надежду, что даже сейчас возможно создание новой коалиции, способной спасти для Франциска корону Священной Римской империи, а для Австрии право набора рекрутов в рейхе. В противном случае, полагал он, Бонапарт сам воспользуется этой короной и создаст «наполеоновскую империю в Германии» – к чему его призывал главный канцлер Дальберг.

Меттерних разделял некоторые из надежд Штадиона. Он поверил Генцу свое убеждение, что политическая система, созданная Наполеоном, должна быть свергнута. «Именно свергнута, – пояснял он, – ибо в нынешних условиях одного сопротивления ей мало». Он тоже надеялся на воссоздание коалиции с присоединением к ней на этот раз Саксонии и с уведомлением заранее Пруссии о передаче ей Ганновера и формировании не обычного союза государств, а постоянной системы коллективной безопасности с координирующим учреждением для самообороны – Конфедерацией Востока, как он предлагал его назвать. Но на этом сходство взглядов Меттерниха и Штадиона заканчивалось. В короткой перспек-

тиве Меттерниха занимали чисто оборонительные задачи: создать противовес западному блоку государств, сколоченному Наполеоном, посредством объединения восточных стран за линией, проходившей по Висле через леса Тюрингии и Богемии, рекам Инн и Таглиаменто к побережью Адриатического моря. Меттерних понимал, что Франция победила в борьбе за «третью Германию» и что Австрия, выдворенная оттуда, а также из Италии, должна признать этот факт. «Не следует противиться федеральной системе на западе Европы во главе с Францией», – говорил он. На языке Прессбургского договора федеральная система означала исчезновение рейха. Вот почему вместо поисков лазеек в договоре, которые позволили бы спасти остатки старого порядка, к чему стремился Штадион, Меттерних добивался территориальных изменений, необходимых для формирования его линии демаркации. В качестве компенсации он предлагал отречение от короны Священной Римской империи на условиях ее окончательного упразднения.

Эти соображения, подытоженные в меморандуме от января 1806 года, знаменуют новые этапы в его осмыслении германского вопроса. Хотя Меттерних, видимо, никогда не разделял сентиментальный имперский патриотизм отца, он не сомневался в ценности рейха и для Австрии, и для соседних курфюршеств. Теперь в свете жестких фактов и по трезвом размышлении он был готов оставить княжество Охсенхаузен на произвол властей наполеоновской «федеральной системы». В то время, несомненно, это представлялось Меттерниху вопросом тактики, временным решением на основе трезвого анализа обстановки при одно-временных усилиях по созданию противовеса, который при благоприятных условиях помог бы восстановить рейх. Но даже в тактическом плане его анализ представляет собой образец ясного мышления, демонстрацию объективности, до уровня которой поднялись лишь немногие представители аристократии его поколения. У многих из них эта объективность вызывала язвительные насмешки. Обнаружилось также, что Меттерних превосходил в интуиции Штадиона, который придавал мистическое значение выражению «Германский союз» в Прессбургском договоре.

Здесь уже упоминалось о попытках Дальберга сохранить прекрасные поместья (включая его собственное поместье главного канцлера) посредством предложения короны рейха императору Франции. Однако, вопреки всем ожиданиям, Наполеон, пожертвовавший своей популярностью в Европе ради титула императора, не пожелал принять еще один такой титул. Коронация во Франции обеспечила ему друзей среди герцогов и выборщиков в Германии. Титул императора рейха мог повлечь за собой их утрату. В отличие от Габсбургов, история не принуждала Наполеона раздражать сильных ради защиты слабых. Тем более, что он воображал, будто в каждом замке на германской территории по другую сторону Рейна сидит австрийский секретный агент. В Германии он больше всего нуждался в союзниках, связанных с ним личной корыстью и способных поставлять рекрутов для формирования целых дивизий или даже корпусов. Для этих целей аристократы рейха, в прошлом герои многих кавалерийских атак, уже давно не представляли интереса. Бонапарту были необходимы 30 тысяч солдат или около этого из Баварии, 12 тысяч – из Вюртемберга, 8 тысяч – из Бадена и т. д. Ради этого он был готов пожертвовать двумя главными атрибутами рейха: короной и сотнями феодальных владений в придачу.

Наполеоновский вариант решения проблемы воплотился в учреждении, известном как Рейнский союз, и, поскольку постепенно оно стало отправным пунктом и моделью трактовки Меттернихом германского вопроса, на нем следует коротко остановиться. Рейнский союз был, по существу, лигой суверенных государств, представленных своими дипломатическими представителями в центральном органе, именуемом Федеральным парламентом. Парламент был поделен на две курии. Одна – для королевств, другая – для государств рангом пониже. В рамках своеобразного компромисса, призванного уважать чувства новых королей Баварии и Вюртемберга, других королевств не создавалось. Но представители Бадена,

Гессен-Дармштадта и созданного Наполеоном в последний момент Берга заседали в королевской курии в ранге представителей великих герцогств. Председателем курии «монархов» становился бывший главный канцлер рейхстага, которого теперь называли князем-примасом. Он назначался императором Франции. В соответствии с этой процедурой Дальбергу удалось сохранить свой пост, хотя и в чисто светском виде. Основные функции парламента состояли в регулировании отношений между государствами союза и поддержании контактов с Наполеоном, который принял титул протектора.

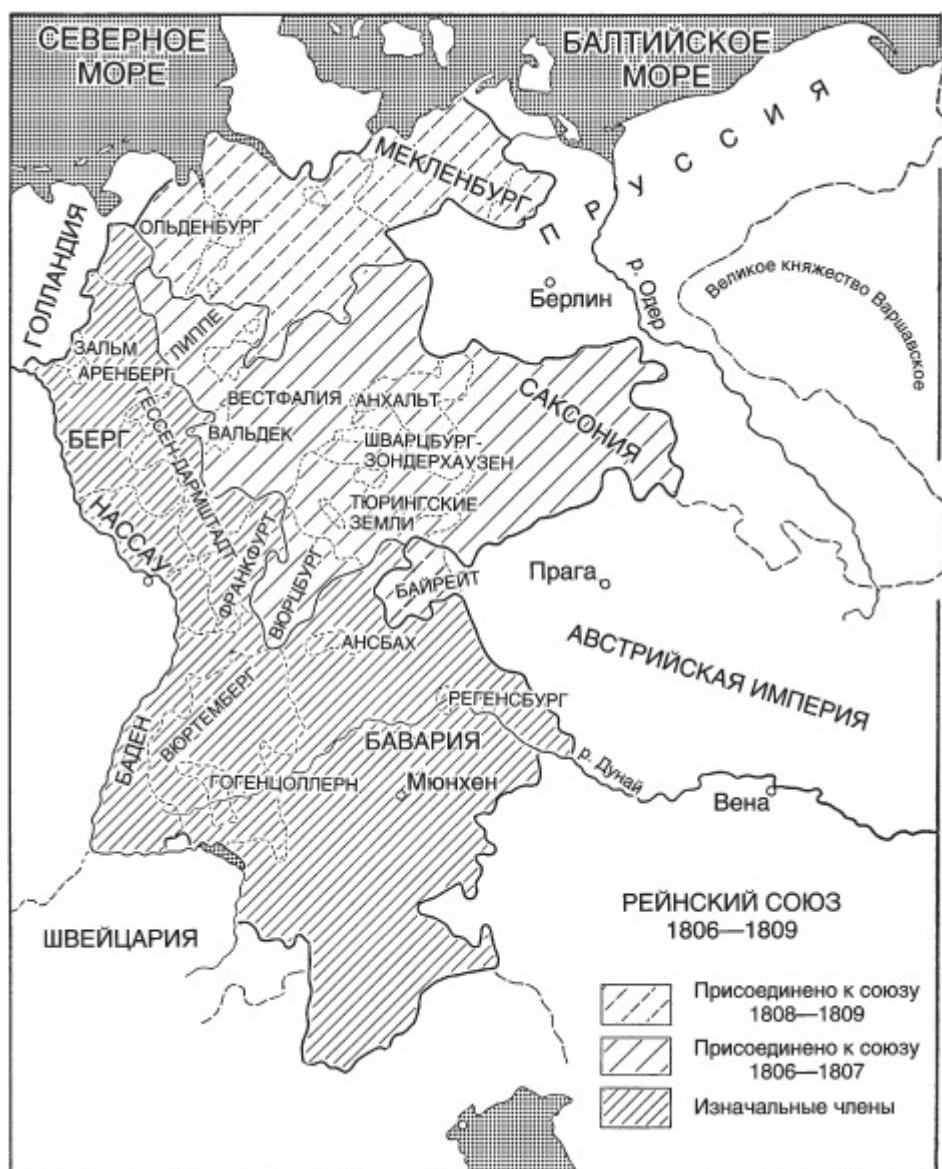
Новые титулы приобретались преднамеренно. Все заинтересованные в них, за исключением Дальберга, стремились демонстративно порвать с прошлым. Если бы новый союз создавался как юридический преемник рейха, то приоритет государственного законодательства над законодательством рейха мог быть еще оспорен. Теперь же государства – члены Рейнского союза порознь и вместе были накрепко связаны с Францией соглашениями о наступательном и оборонительном союзе. Соглашения делали правительства этих государств подотчетными Парижу в вопросах комплектования вооруженных сил необходимой численности. Таким образом Наполеон мог быть уверен в своей способности контролировать внешнюю политику и военный потенциал германских государств даже в том случае, если бы позже союз был реорганизован или вовсе распущен.

Далее, Бонапарт был достаточно проницательным, чтобы понять, что, оказывая покровительство малым феодальным владениям, он держит на привязи суверенов крупных государств гораздо надежнее, чем в том случае, когда позволил бы последним поглотить малые владения. Это давало Наполеону возможность назначать цену за право аннексии малых владений. Она заключалась в признании норм федерализма в качестве принципа взаимоотношений с жертвами аннексии. В отличие от церковных владений, которые в 1803 году были попросту ликвидированы и присоединены к территориям светских владений, аннексированные малые владения были поставлены под суверенитет княжеских династий. Суверенитет определялся как «право на законотворчество, высшую юридическую власть, а также на военный призыв, набор рекрутов и взимание налогов». В понятие суверенитета не входило право на доходы от частных владений или преимущественное право на приобретение сеньориальных феодальных привилегий, таких, как право на местную юрисдикцию или предоставление поместьям льгот в пользовании пастбищами, лесами, рудниками, мельницами и т. п. В части налогообложения аннексированные феодалы несли те же издержки, что и князья. В части уголовного преследования их могли судить лишь равные по статусу лица. Аннексированные феодалы имели право свободного выбора проживания в любом месте союза или на дружественной территории. Последнее положение было ударом по таким деятелям, как Штадион и Меттерних, хотя последнего оно мало затрагивало, пока здравствовал Франц Георг. По крайней мере, договор давал некоторые гарантии того, что доходы от имения в Охсен-хаузене не будут конфискованы.

В этих преобразованиях имелось некоторое противоречие. С одной стороны, они выглядели как перераспределение власти. Права кайзера и ассамблей старых избирательных округов передавались новым суверенам, но с ограниченными прерогативами. С другой стороны, право суверена на законотворчество могло означать что угодно, особенно потому, что оно не предусматривало наличие земств или парламентов, ограничивающих верховную власть. Как обстояло дело, например, с крепостным правом, жгучей проблемой того времени? Подпадало оно под юрисдикцию суверена или считалось нерушимым правом владельцев имений? Последующие события показали, что Наполеон рассматривал наделение аннексированных владений привилегированным статусом как промежуточную меру в развитии централизованных, эгалитарных учреждений по французскому образцу. Его клиенты, однако, возражали против внешнего диктата и упорно сопротивлялись ему.

В самом деле, когда 12 июля неожиданно, как ультиматум, был объявлен Акт о создании Рейнского союза, это вызвало оцепенение. Фердинанд, брат императора Франциска и новый герцог Вюрцбурга, был в принципе против присоединения к союзу, что от него и не требовалось по Прессбургскому договору. Фридрих Вюртембергский и Макс Иосиф Баварский, прежде давшие указания своим представителям подписать акт, призадумались. В совете монархов они рассчитывали стать лидерами союза. Теперь же они должны были разделить свои прерогативы с так называемыми великими герцогами. Без абсолютного контроля над аннексированными территориями перестройка теряла для них привлекательность. Внезапно Макса Иосифа осенило, что его главное оружие – возможность использовать Францию против Австрии, обмененную по новому договору на некоторые привилегии, – выбивается из его рук. Он спешно направил в Париж нового посла, барона Карла фон Гравенреса, с поручением отвергнуть союз, который, по его словам, «сделал менее знатных князей судьями королей» и наделил протектора властью «более обширной, чем власть любого германского кайзера».

Редкая дипломатическая акция была менее бесплодной. В Раштатте Гравенрес повстречался с курьером, везшим текст Акта о создании Рейнского союза в Мюнхен с первой подписью баварского представителя. В Страсбурге его так долго задерживала французская пограничная стража, что когда он наконец прибыл в Париж, то счел нецелесообразным знакомить французов с новыми взглядами баварского короля на Рейнский союз. Затем документ подписали все другие суверены – король Вюртемберга, их светлости великие герцоги Гессен-Дармштадта, Бадена, Берга, главный канцлер и девять менее знатных князей. Даже Фердинанд Вюрцбургский через несколько месяцев присоединился к союзу, когда стало ясно, что он будет обойден в ходе приобретения аннексированных территорий. 25 сентября его приняли в союз в ранге великого герцога и предоставили ему место в коллегии монархов. Только такими грубыми методами Наполеону удалось наконец сколотить Рейнский союз.

Поскольку Наполеон вел переговоры в обстановке повышенной секретности, неудивительно, что Штадион отчаянно стремился выяснить его намерения. В первую очередь он нуждался в кандидатуре опытного посла в Париже. Этот пост оставался вакантным. Даже поверенный в делах барон Карл Винсент был генералом, посланным во французскую столицу с незначительным поручением по военной линии. Первый выбор Штадиона, опытный Филипп Кобенцль, оказался персоной нон грата из-за его роли в вымогательстве признания Австрийской империи. Наполеон, не устававший ссылаться на прежнюю франкофильскую политику Австрии, требовал вместо Кобенцля кого-нибудь из «подлинно австрийской семьи Кауницей».

Оставалось тайной, почему Наполеон считал бывшего рейнца, чье владение в Охсенхаузене подлежало аннексии, королем Вюртемберга, способным смотреть на вещи как «истинный австриец». В то время Меттерних относил приглашение на пост посла в Париже на счет стараний своего друга, графа Александра де Ларошфуко, временного поверенного Франции в Вене. Донесения ла Форэ подтверждают это по крайней мере в том смысле, что они изображали Меттерниха личностью, допускавшей экстравагантные жесты доброй воли в отношении Франции, как только новости о заключении Прессбургского договора достигли Берлина. Это его поведение отвечало настроению, с которым был написан в то же время упо-

мянутый выше меморандум о расколе Европы. Как бы то ни было, откликаясь на требование Парижа, Штадион вызвал Меттерниха в Вену. Он поставил берлинского посла перед выбором – либо ехать послом в Санкт-Петербург, куда его приглашал царь Александр, сотрудничавший ранее с Меттернихом в Берлине, либо отправиться в Париж умиротворять завоевателя. Но ведь Париж оставался Парижем!

Выбор Меттернихом Парижа определяли два обстоятельства: гордость, как он хвастал, оттого, что «превзошел в карьере всех коллег своего возраста», и прекрасное ежегодное жалованье в размере 90 тысяч гульденов. Эта сумма превышала в два раза доходы от имения Виннебург. В других отношениях он испытывал некоторую дрожь. В Санкт-Петербурге он мог бы трудиться над созданием Восточной конфедерации, в Париже он мог быть только просителем.

Генц сочувствовал Меттерниху, хотя последнего больше забавлял, чем радовал обычный выпендренный стиль письма друга. «Столь чистой и возвышенной душе, как у тебя, – писал Генц, – не следовало бы соприкасаться с обителью, где много преступлений и ужаса». У нового посла было мало оснований восхищаться разработанными для него инструкциями. Предлагая дружбу Австрии, он должен был пояснять, что любое сближение зависело от проявления Наполеоном доброй воли. Доказательством этого было бы буквальное соблюдение им Прессбургского договора, косвенно признающего рейх и право Австрии производить в нем набор рекрутов. Но если суждено было случиться худшему, то Меттерниха предупредили, что на кон ставилась корона, хотя ему самому не позволялось вести торг по этому вопросу.

Не ведая совершенно о намерениях Наполеона, Штадион и император едва ли могли действовать решительно. Но официальная позиция – бессмысленная демонстрация уязвленной гордости, апелляция к справедливости в сопровождении завуалированного предложения уступок – противоречила взглядам Меттерниха, который считал, что необходим решительный разрыв с прошлым, что не следует ханжески умиляться текстом договора, а необходимо настойчиво искать разумную и взаимовыгодную корректировку условий договора. Хуже того, хотя инструкции для Меттерниха были готовы 8 июля, он медлил и не выезжал из Вены до 12 июля, до того самого дня, когда вступил в силу пакт о Рейнском союзе. Когда же Меттерних добрался до Страсбурга, его задержали так же, как и Гравенреса. Для задержки были определенные причины: Наполеон не желал, чтобы какие-нибудь внешние помехи затормозили «энергичную работу политического механизма в последние две недели июля». Как утверждал Меттерних много лет спустя, Наполеон строил козни из опасений, что новый австрийский посол станет свидетелем осложнения франко-русских отношений и окажет неблагоприятное влияние на неопытного русского посланника графа Убриля. В действительности Париж был озабочен больше всего укреплением Рейнского союза и роспуском рейха. Очевидно, Наполеон не знал в подробностях содержания инструкций, данных Меттерниху или Гравенресу, однако он догадывался, что ни тот ни другой не были уполномочены признавать Рейнский союз, какими бы мотивами это ни обосновывалось. Да, пакт о союзе был подписан, но на предварительных условиях и по принуждению. Процесс окончательной ратификации договора был отнесен на 25 июля в Мюнхене. Курфюршества имели в запасе время для дезавуирования подписей своих представителей. Вот почему Наполеон закрыл 14 июля границу для всех иностранцев, собиравшихся перебраться через Рейн. 22 июля он заявил Винсенту, что если Франц не отречется от трона к 10 августа, то французские войска форсируют реку Инн. Достойный ответ на такое заявление мог бы дать только человек, сам возглавляющий армию. Винсент дал такой ответ. Это был дерзкий отпор, хотя и от своего только имени. В Мюнхене 25 июля имел место обмен ратификационными грамотами участников Рейнского союза. 29 июля Меттерних освободился из заточения в Страсбурге и 2 августа прибыл наконец в Париж, встретив весьма холодный прием. Наполеон соглашался

принять Меттерниха в качестве посла Австрии, но не как дипломатического представителя Священной Римской империи в соответствии с верительными грамотами.

Это было тяжелое испытание. Да, кое-чего подобного он ожидал, но отнюдь не перспективу сойти со сцены во время кульминации германской драмы и после того, как наконец получил в ней главную роль. Это было равносильно провалу дипломатической карьеры и остро переживалось Меттернихом. Работа в австрийском посольстве в Париже всегда была кошмаром «для любого дипломата, преданного интересам службы, – сообщал он в депеше по ознакомлении с обстановкой при помощи Винсента и сотрудников посольства. – Но никогда прежде она не осуществлялась в условиях, менее благоприятных для представителей нашего государя, чем во время моего пребывания».

Австрия теперь попала в то же незавидное состояние, в котором находились малые государства. В Вене не ощущалось того боевого задора, который продемонстрировал Винсент. Часть политиков стремилась продолжить торг, чтобы добиться гарантий прав брата императора, Фердинанда, на присоединение ряда аннексированных земель к Вюрцбургу. В тех условиях это был бы уже не торг, а попрошайничество, и, к чести Штадиона, он не стал заниматься ни тем ни другим. Он настаивал лишь на том, чтобы император, объявив о своем отречении, декретировал роспуск рейха. Иначе Наполеон мог бы присвоить корону или, того хуже, передать ее королю Пруссии. В любом случае Габсбурги были бы низведены до уровня вассалов, чего опасался некогда Кобенцль. Другим основанием этого курса была незаконность одностороннего провозглашения того, что империя остается в силе, что обусловило бы ее легкую ликвидацию в будущем. 6 августа Франц II, 54-й император, считая от Карла Великого, и 20-й из династии Габсбургов, сложил с себя корону и положил конец политической бигамии династии.

Та самая судьба, что забросила Меттерниха в Дрезден, когда был принят Имперский эдикт, в Страсбург, когда был создан Рейнский союз, и в Париж, когда был распущен рейх, хранила его во французской столице, когда на далеких полях сражений при Йене и Фридрихсфельде решалась участь Германии. Он провел в Париже чуть больше месяца, когда Бонапарт отбыл на фронт. Тогда Меттерних запросил разрешения Штадиона сопровождать французских руководителей до Майнца. В этом ему было отказано, и он был вынужден приспособиться к повседневной жизни в Париже, следя в течение оставшейся части года за развитием событий в Германии издали.

Поражение Пруссии в сражении при Йене завершило завоевание Францией «третьей Германии», и Наполеон, все еще продолжавший войну, принял меры по реорганизации этой территории. Чтобы не оставалось сомнений в его стремлении к абсолютной власти, он бесцеремонно сместил выборщика Гессен-Касселя и герцога Брунсвика, правителя, который в 1792 году возглавил поход на территорию революционной Франции. Территории этих государств оставались оккупированными французами, пока через год не были присоединены к королевству Вестфалия. Владения ряда князей были аннексированы, другим же было позволено вступить в Рейнский союз в качестве суверенов, часто на том основании, что они поддерживали с Парижем дружественные отношения или способствовали кредитованию французов.

Первым присоединился к союзу Фридрих Август Саксонский. Он приобрел титул короля и взял на себя обязательство предоставить Наполеону 20 тысяч солдат, уступив в таком обязательстве лишь Баварии. За Фридрихом Саксонским в союз последовали пять герцогских семей по саксонской линии (Саксе-Веймар, Саксе-Гота, Саксе-Майнинген, Саксе-Хильдбургхаузен и Саксе-Кобург), которые вошли в объединение на одинаковых условиях и с обязательством объединить усилия для формирования единого воинского контингента в 2800 солдат. В апреле следующего года к союзу присоединилось еще больше князей: три герцога из семьи Анхальт, четыре князя из семьи Ройс, князя из семей Липпе-Дет-

мольд и Липпе-Шаумбург, князь Вальдек и князья семей Шварцбург-Зондерхаузен и Шварцбург-Рудольфштадт. Как и в случае с саксонскими герцогами, эти князья представляли общий воинский контингент небольшого состава. Новые соглашения уравнивали католиков с представителями других религий, что отражало стремление Наполеона умиротворить католическую Европу и преодолеть раскол, вызванный на континенте Реформацией, так как Рейнский союз входил в протестантский Север.

Во время этих событий Австрия оставалась нейтральной, частично из-за истощения средств, частично из-за отсутствия ясных решений в Вене. Катастрофа вызвала в столице жаркие дебаты, которые неизбежно сопровождались глубокими переменами во внешнеполитических связях страны. Внешне дебаты велись вокруг поддержки Штадином идеи вооруженного вмешательства в северную войну и предложения эрцгерцога Карла сохранять полный нейтралитет. По сути же дебаты выражали противоречия между сторонниками ориентации на Францию и сторонниками ориентации на Россию, которые в то время вызвали смутную тревогу. Выступая за вооруженное вмешательство, Штадион в действительности собирался помочь двум восточным державам освободить Германию. С другой стороны, Карл, командующий армией и председатель Военного совета двора, опасался русской агрессии на Балканах. По его мнению, три восточные державы в любом случае не могли бы сотрудничать в Германии достаточно долго, даже если бы добились победы над Наполеоном.

Со времени роспуска рейха Карл стал, как и большинство других генералов, «австрийцем до мозга костей», если воспользоваться популярным тогда выражением. Пресечение связей с рейхом освободило генерала от многих обязательств, правда, и от набора рекрутов для австрийской армии. Карл не принадлежал к франкофилам, но он считал, что постоянная угроза исходит от России, в то время как французское преобладание носит временный характер и обречено на исчезновение после смерти Бонапарта. Между тем наилучшей политикой Австрии была экономия ресурсов и реформа армии, чтобы выждать время для выступления в качестве преобладающей силы, независимо от других держав. Карл считал бессмысленным оспаривать господство Бонапарта прежде, чем Австрия не будет уверена, что именно она, а не северные державы будет определять восстановление Германии.

Сомнения Карла на этот счет вскоре подтвердились. В апреле 1807 года Россия и Пруссия подписали конвенцию, в которой провозглашались их военные цели. Подчеркивая, что восстановление рейха было бы «опасной ошибкой», они декларировали свое намерение создать «конституционную федерацию» государств под руководством Австрии и Пруссии, каждая из которых будет действовать «в рамках ограничений, установленных соглашением». Это означало раздел Германии между Пруссией и Австрией. То, что Хаугвиц пытался добиться при помощи Франции, новый министр иностранных дел Харденберг рассчитывал получить, опираясь на Россию. С этого времени антипруссские настроения в Вене приобрели двойственный характер. Это была традиционная антипатия к Пруссии как к сопернику в Германии, а также настороженность к этой стране как инструменту русского влияния в Германии.

По этой причине программа Бартенштайна только укрепляла решимость Австрии оставаться нейтральной и таким образом проложила путь к победе Наполеона при Фридрихсланде и последующему Тильзитскому миру. Вместо приобретения гегемонии в Северной Германии Пруссия превратилась во второразрядное государство со 42-тысячной армией, равной по численности баварской. Ее территория к западу от Эльбы стала оплотом совершенно нового государства, королевства Вестфалии, в котором правил брат Наполеона Жером, в то время как ее польские земли, включая Западную Пруссию, отошли к Великому герцогству Варшавскому, присоединившемуся к Рейнскому союзу через родственные связи с королем Саксонии. Снова возродилось Польское государство, представлявшее постоянную угрозу участникам раздела Польши как в военном отношении, так и в смысле взрывного

характера польского национализма. По другим статьям Тильзитского мира Данциг превращался в свободный город, содержащий за свой счет французский гарнизон. Пруссия была принуждена терпеть иностранную оккупацию до тех пор, пока не выплатит контрибуцию в 120 миллионов франков. Для Гогенцоллернов это был действительно катастрофический мир. Он мог быть еще хуже, если бы Наполеон не пожелал сделать несколько уступок «в пику его величеству, императору всех русских» – издевательская фраза, на включении которой в текст договора настоял Наполеон.

Россия не понесла таких потерь. Территориально она даже выиграла, аннексировав пограничный польский район Белостока. В некоторых отношениях Александр даже сравнивался с Наполеоном в могуществе. Два императора заключили пакт о взаимопомощи в борьбе против третьих стран. И если Александр подключился к войне против Англии до принятия последней французских условий, то Наполеон согласился поддержать русские претензии в отношении Турции. В сущности же Россия потерпела поражение стратегического характера. Оно состояло в сокращении влияния России за пределами ее границ. Санкт-Петербург был вынужден признать Великое герцогство Варшавское, уйти с побережья Далмации и из Придунайских провинций на Балканах, признать Рейнский союз и все последующие добавления к нему. Если русское влияние и ощущалось где-либо в Германии, то главным образом в герцогствах Ольденбургском, Мекленбург-Штрелиц и Мекленбург-Шверин, традиционно связанных с Россией династическими узами. Теперь даже они были вынуждены отдать свои порты под контроль французов, а годом позже присоединиться к Рейнскому союзу.

Тильзитский мир вновь продемонстрировал противоречия между центральными и фланговыми державами. Уйдя из Центральной Европы, Россия, казалось, была застрахована от внешнего вторжения. Поэтому она сохраняла возможность ограничить гегемонию Бонапарта, даже если он и находился теперь в более благоприятных условиях, чем во время действия Имперского эдикта. С другой стороны, Австрия и Пруссия были изолированы. Линия обороны по Висле и Тюрингским лесам, которую год назад Меттерних рекомендовал удерживать любой ценой, была взломана. Правый фланг Австрии оказался абсолютно беззащитным. Вена стала уязвимой для ударов с востока через Дунайскую долину и с юга – через Моравские Ворота. «Рейнский союз охватывает нас с двух сторон. Любая война с Францией сразу началась бы у наших границ по рекам Инн и Величка». Такова была оценка Меттернихом Тильзитского мира, когда вести о нем дошли до Парижа в конце июля 1807 года.

Через год он все еще размышлял над затруднительным положением, в которое попала Австрия. «Наше положение отличается от того, в которое мы попали перед последней войной с Пруссией. Мы больше не располагаем возможностью принять предварительные меры, которые прежде предшествовали началу военной кампании. У Наполеона нет необходимости готовиться к войне. Он держит перед нами на наших флангах и в нашем тылу войска численностью в 200 тысяч солдат. Ему не нужно перебираться через Рейн с войсками, чтобы напасть на нас. Он может войти в Галицию, прежде чем мы узнаем о начале войны...» «Прежде чем мы узнаем» – в этом была суть проблемы. В силу ограничений, обусловленных той эпохой, своевременное предупреждение о войне можно было получить только при наличии буферных государств на границах. Державой, подпадавшей под определение «великая», была та, которая могла вести войну на иностранной территории. До Аустерлица под такое определение подпадала и Австрия. Теперь же у нее не было буферных территорий, за исключением турецких владений к югу. Австрийцев угнетало унижительное ощущение того, что их страна сама стала буферной территорией.

Глава 3

Война за восстановление Рейха

Триумфальное возвращение Наполеона из Тильзита имело для Меттерниха то преимущество, что он смог заняться нормальной дипломатической деятельностью, которая была прервана продолжительным отсутствием императора в столице Франции. Главная цель миссии Меттерниха в Париже состояла в обеспечении австрийских прав по Прессбургскому договору и, если возможно, внесении благоприятных для Вены изменений в условия договора. С образованием Рейнского союза некоторые цели становились невыполнимыми, например сохранение имперской короны и прав на набор рекрутов в курфюршествах рейха. По поводу других претензий можно было вести переговоры – особенно по вопросам определения четкой границы по реке Исондзо в Италии, эвакуации французских войск из Браунау, города на австрийском берегу реки Инн, и, кроме того, по вопросу передачи Австрии имущества Тевтонского ордена в Мергентхайме, которое было обещано габсбургскому наследнику. Но в возбуждении, охватившем умы в связи с гибелью рейха, все будничные дела казались не важными. В отсутствие же императора Париж охватила апатия, не располагавшая к деятельности.

Но в августе 1807 года городу было не до скуки. Ничтожный Шампаньи заменил Талейрана в качестве министра иностранных дел. Меттерних возобновил свои попытки достичь соглашения, без которого нельзя было нормализовать отношения между Францией и Австрией. Браунау больше не представлял серьезной проблемы. Война с Россией закончилась, военная база к востоку от реки Инн во многом утратила свое значение, и Наполеон с готовностью эвакуировал ее. С проблемой реки Исондзо дело обстояло сложнее. Весь сентябрь Меттерних упорно добивался ее решения, трижды прерывая переговоры перед тем, как сделать уступку, уничтожившую сильный фланг Австрии на Адриатике. Особенно чувствительной была уступка военной дороги, связывавшей Итальянское королевство с Далмацией. Соглашения были включены в конвенцию, которую Меттерних подписал 10 октября в Фонтенбло почти по принуждению.

Однако вопрос о Мергентхайме не был разрешен. Прессбургский договор предусматривал, что земли Тевтонского ордена, разбросанные по Южной Германии в качестве владений ордена со столицей в Мергентхайме, должны быть переданы наследнику Габсбургов, которого назовет кайзер Франц. Кайзер назвал своего младшего брата эрцгерцога Антуана – выбор вполне естественный с учетом того, что Антуан являлся великим магистром ордена. Для удобства эрцгерцог предпочитал жить в Вене и тем самым поставил себя в положение (аналогичное положению Штадиона и Меттерниха) служителя австрийской короне с имуществом на территории Рейнского союза. Отличие же Антуана состояло в том, что он был суверенным князем и по Прессбургскому договору не был обязан присоединяться к Рейнскому союзу. Он и не желал к нему присоединяться вопреки примеру своего брата эрцгерцога Вюрцбургского, который вошел в союз с прочными позициями. Но как раз на членстве в союзе и настаивал Наполеон, который не собирался терпеть «иноземных князей на пространстве между реками Инн и Рейн». Так, во всяком случае, он сам заявлял. Однако то обстоятельство, что Бонапарт продолжал придирки даже после того, как Штадион 5 октября уполномочил Меттерниха уступить на переговорах, заставляет предположить иную цель у французского императора. Он вел старую игру, направленную на удержание под своим контролем сокращающегося числа феодальных владений, чтобы приманивать ими своих германских клиентов. Так выглядел, во всяком случае, итог развития событий, когда в 1809 году вновь разразилась война между Францией и Австрией. Протектор распорядился распустить

старинный орден, не просто аннексировав его земли, но вознаградив ими тех суверенов, во владениях которых эти земли находились. Само княжество Мергентхайм отошло Вюртембергу.

Поведение Наполеона ни в коем случае нельзя сводить к проявлению дурной воли по отношению к Австрии. Судьба Мергентхайма была частью более крупной проблемы – ревизии Акта о Рейнском союзе, который он всегда рассматривал как временный документ, предваряющий подлинное урегулирование состояния дел на континенте. Давление в пользу реформ было внушительным. Пока князь-примас докучал протектору просьбами о преобразовании союза в Германскую империю современного типа на основе малых государств, французские идеологи во главе с поверенным в делах во Франкфурте Тебальдом Жаком Бахером собирались – во время возвращения Наполеона из Тильзита – отправиться в Париж с копиями проекта создания Федерального верховного суда, постоянного парламента и подлинного «главы» федерации.

Однако даже на этом этапе своей карьеры, достигшей пика во многих отношениях, Бонапарт не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы пренебречь настроениями князей, которым он торжественно обещал «полный и совершенный суверенитет» и которые своим дезертирством могли вовлечь однажды Восточную Европу в новую войну. Одно время он склонялся к ублажению Баварии, наиболее серьезного противника реформ. Бонапарт планировал отделить ее от Рейнского союза, чтобы развязать себе руки для поглощения оставшихся малых государств. Однако в конце концов он решил, что должен ублажать их всех. Поэтому до поры до времени Наполеон оставил попытки реформировать надстройку союза и сосредоточился на поддержании порядка внутри государств союза. На этой стадии сопротивление реформам было минимальным. Большинство германских монархов и министров видели в революционном праве средство консолидации своих неоднородных территорий и подавления внутренней оппозиции, особенно в аннексированных владениях. Но даже при таком подходе они сопротивлялись внешнему принуждению, считая реформы, проводимые таким образом, столь же неприемлемыми, сколь уступки, требуемые от них мятежными провинциями. Вот почему Максимилиан Иосиф, например, ярый критик политики Наполеона в вопросах укрепления Рейнского союза, ввел в Баварии конституцию раньше, чем ее бы навязал стране парламент во Франкфурте.

Частью скопированная с основного закона Вестфалии, частью вобравшая в себя ранние реформы Карла Теодора, конституция Баварии предусматривала упразднение крепостного права, свободу совести, равенство перед законом, разделение юридической и административной властей, ликвидацию податей дворянству и открытие государственных учреждений для талантливых людей всех сословий. Старые провинции заменились административными округами, были упразднены провинциальные ассамблеи, их место заняла Национальная ассамблея. Германские юристы обычно называли эту систему «фиктивным конституционализмом», так как обещания введения парламента никогда не были выполнены. Тем не менее то, что включалось в конституцию, в последующем было начертано на знамени либерализма.

В других государствах аналогичные результаты были получены средствами неприкрытого абсолютизма. Были, конечно, варианты. В Бадене Карл Фридрих действовал осторожно и с таким тактом, что даже владельцы аннексированных земель были до определенной степени умиротворены. С другой стороны, в Вюртемберге король Фридрих предпринял осуществление жесткой программы регламентации жизни. Он был единственным монархом, который осмелился посягнуть на экономическую и социальную структуру аннексированных владений, конфискуя их по ничтожнейшему поводу. Что касается владений Меттерниха и Штадиона, то он воспользовался положениями Акта о Рейнском союзе, чтобы и их конфисковать. Только в центральной и северной частях Германии, где произошли минимальные территориальные изменения и традиционный образ жизни пострадал в незначительной сте-

пени, старая феодальная иерархия сохранила свою жизнеспособность. Основным исключением был Саксе-Веймар, который принял в 1809 году централистскую с послаблениями конституцию.

Однако, несмотря на различие проблем и способов их решения, суверены Рейнского союза – по крайней мере, на уровне королей и великих герцогов – преследовали одну общую цель: укрепить власть над своими владениями, причем своими собственными методами, а не посредством французских моделей, а также защитить свой суверенитет от посягательств федеральных органов. Со своей стороны, Бонапарт, хотя и был удовлетворен промежуточными результатами реформ, думал о будущем, когда все государства союза примут фактически идентичные конституции по образцу французской под мощным давлением федеральной власти во Франкфурте.

Меттерних, видимо, не заметил этих потенциальных и реальных неувязок в Рейнском союзе. Империя Наполеона казалась ему несокрушимой силой, а успехи Бонапарта в подчинении германских князей не вызывали сомнений. Протектор как-то говорил ему: «От союза мне нужны только люди и деньги». Ради этого Наполеон позволял более сильным князьям диктовать условия слабым, и Меттерних поймал его на слове. Он сделал вывод, что Бонапарт, в свою очередь, диктовал условия сильным князьям и каждый день приносил новые подтверждения этому. Например, протектор пренебрегал федеральной конституцией, производил наборы солдат путем прямых приказов князьям или заставлял короля Баварии покрывать издержки от прохождения французских войск через баварскую территорию. Целью французов, докладывал Меттерних, было «распространение права протектора набирать солдат, взимать налоги и пошлины на все государства союза». Баварская конституция, провозглашенная 1 мая 1808 года, казалась лишь естественным продолжением династического брака 1806 года между принцессой Августой и Евгением Богарне, вице-королем Италии, а также декретов от декабря 1807 года, укрепивших связи между Баварией и Итальянским королевством. Одним из декретов брат Бонапарта Жером становился королем на берегах реки Инн и приводился в действие кодекс Наполеона у границ Австрии. «Никто, – горько заметил Меттерних, узнав о введении баварской конституции, – не осмелится назвать правителями этот сброд коронованных префектов, которые, будучи обязанными Франции самим существованием, теперь платят деньгами и кровью своих подданных за свои сомнительные привилегии». В этом высказывании нет ничего от вкрадчивой объективности профессионального дипломата. Здесь бурлит неприязнь имперского графа к губителям рейха.

Политическое образование Меттерниха сделало новый виток. Он освоил «хладнокровие» классической дипломатии только для того, чтобы обнаружить, что Наполеон вел себя по-иному. Став теперь австрийцем, он понял, что жажда личной власти может быть такой же демонической, как и революционное неистовство, против которого он направлял свой юношеский задор. «Мир и покой, – говорил он Штадиону, – не уживаются с революцией. Объявляет ли Робеспьер войну дворцам или Наполеон борется против монархических империй, тирания остается и опасность лишь разрастается». Если бы французский император действительно стремился к прочному урегулированию в Европе, он никогда бы, считал Меттерних, не создал герцогство Варшавское и не способствовал бы «исчезновению одного из знаменитых посредников».

Однако ничто не потрясло Меттерниха больше, чем вторжение французов весной 1808 года в Испанию, которое привело к свержению правящей династии Бурбонов и освобождению трона для династии Бонапартов. Оказалось, что это было правилом. Зять Наполеона Иоахим Мюрат стал герцогом Берга, братья императора заняли троны: Жозеф – в Неаполе, Луи – в Голландии, Жером – в Вестфалии. Теперь Жозеф переместился на трон в Испании, а Мюрат – в Неаполь. Нельзя упускать из виду и следующую серию браков, которая вовлекла в бонапартистскую сеть Баварию и Баден, а позднее и Вюртемберг посредством женитьбы

Жерома на дочери короля Фридриха Екатерине. Сами Габсбурги никогда так бессовестно не манипулировали провинциями и не прибегали к брачным аферам. Меттерних, убежденный в том, что Наполеон решил подкрепить свое господство в Европе утверждением на старых тронах членов своей семьи и созданием для них новых тронов, пришел к выводу: теперь очередь Габсбургов. Их империя будет расчленена, провинции, вероятно, поделены между маршалами Наполеона. Война неизбежна.

Угроза трону Габсбургов была постоянной темой переписки Меттерниха и Штадиона, причем Штадион в своих представлениях кайзеру Францу неизменно изображал ситуацию под этим углом зрения. Он, например, заявлял, что «трудно усмотреть государственный интерес в политике, которая в известных обстоятельствах побудила французского императора свергать власть, уже вполне лояльную ему». Правда, к таким заявлениям следует относиться осторожно. В обращении к своему кайзеру вполне естественно подчеркивать озабоченность интересами династии, в связи с чем предыдущей осенью Штадион уже требовал от Меттерниха, чтобы тот составлял свои донесения двору именно в этом духе. «Я хочу, — указывал он тогда, — чтобы ваши донесения держали нас настороже». Реальной же опасностью оставалось присутствие французских войск в Польше и Рейнском союзе.

На практике Меттерних достаточно четко разобрался в государственных интересах Наполеона. В начале января 1808 года он услышал из уст самого французского императора кое-что из его планов относительно Леванта. Не было тайной и то, что Наполеон хотел овладеть Гибралтаром, с тем чтобы обезопасить свой тыл перед вторжением в Турцию. Нападение на Порту само по себе представляло серьезную угрозу для Австрии. Это было чревато для нее потерей последнего буферного государства и вовлечением в войну с Россией. Возникла опасность продвижения французской армии дальше по течению Дуная. Меттерних видел выход из положения в союзе с Россией и в войне с Францией вне связи с испанским вопросом. «Опасность велика, и она неминуема, — считал он. — Падение последнего трона Бурбонов не обязательно свидетельствует о ее возрастании. Это обернется огромной пользой, если возбудит повсеместно чувства негодования и убежденность, особенно среди нас, австрийцев, что мир с Наполеоном невозможен...»

Теперь Меттерних стал доверенным лицом партии войны в Вене. В соответствии с инструкциями Штадиона он стремился использовать малейший повод для ускорения подготовки Австрии к войне. Неожиданное сопротивление испанцев, доказывал Меттерних, отвлекало силы Наполеона от Германии и показывало пример, которому должны последовать австрийцы. Возможно, испанские партизаны не продержатся долго, но их борьба свидетельствует о том, что «в условиях кризиса любое правительство может всегда найти в поддержке народа огромные ресурсы. Оно должно воодушевлять людей на сопротивление и опираться на него...». Одним способом мобилизации масс была, с одной стороны, мощная пропагандистская кампания с целью распространения «правды», с другой стороны — цензура на «лживую информацию». Исходя из примера Франции Меттерних доказывал, что «общественное мнение наиболее влиятельное из всех средств. Подобно религии, оно проникает во все укромные уголки, туда, где административные средства бессильны». С этим убеждением он занялся организацией народного сопротивления, которое Штадион, эрцгерцог Йохан и Антуан фон Балдаччи готовили в Вене не менее усердно, чем Штейн, Гнайзенау и Шарнхорст в Берлине.

Ключевую проблему представляла оборона Австрии, реформирование которой горячо обсуждалось еще со времени Аустерлица. Потеря по Прессбургскому договору важных провинций, утрата прав на набор рекрутов в Германии в связи с образованием Рейнского союза и дипломатическая изоляция Австрии порождали новые проблемы, ждущие радикальных решений. 12 мая кайзер постановил придать каждому немецкому пехотному полку два резервных батальона. Через две недели он назначил эрцгерцога Йохана председателем

комиссии по формированию отдельно от регулярной армии частей ландвера на основе всеобщей воинской повинности. Все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет, не занятые на другой работе, призывались на действительную воинскую службу, лица в возрасте от 45 до 50 лет призывались на службу во вспомогательные подразделения. Вскоре под герб двухглавого орла устремились рекруты, а будущей весной было решено определить час принятия решения о войне. До этого времени не представлялось возможным довести численность армии до планировавшегося максимума в 400 тысяч человек. Как настойчиво доказывал министр финансов граф Иосиф Одонел, казна не выдержит напряжения. Такова была цена массовой армии, цена народной войны. Когда Наполеон пожаловался, что Австрия проводит чрезмерные военные приготовления, в то время как он держит всего лишь 200 тысяч солдат в Германии и Польше, Меттерних, к восторгу дипломатов, собравшихся на аудиенцию в Сен-Клу, ответил без тени волнения: «Не сомневайтесь, сир, что если вы ведете учет численности наших солдат, то мы тоже подсчитываем количество ваших».

Но пока Меттерних набирал очки своим остроумием в Париже, Штадион проигрывал в дипломатических битвах в Санкт-Петербурге и Берлине. Царь Александр предпочитал пока скорее эксплуатировать дружбу с Бонапартом, чем извлекать выгоды из его неудач в Испании. Царь решил, что безопаснее укрепить свои фланговые позиции в Финляндии и дунайских княжествах, чем идти на риск преждевременной войны с императором Запада. Поэтому он не только принял приглашение Наполеона участвовать в конференции в Эрфурте, но также предостерег Штадиона против провоцирования войны и отговаривал от участия в ней Фридриха Вильгельма. Гораздо более Наполеона он способствовал отставке в ноябре барона Штейна, уклонению Пруссии от войны за национальное освобождение, которой посвятили свои жизни Штейн и Штадион.

Эрфуртская конференция, проходившая в октябре 1808 года, представляла собой еще один блестящий дипломатический спектакль, в котором не участвовал Меттерних. Причиной этого было на сей раз стремление Наполеона более резко обозначить контраст между изоляцией Австрии и собственным всемогуществом. Самое большее, что позволил Бонапарт, было разрешение присутствовать на конференции в качестве наблюдателя барону Винсенту, далеко не знатному австрийцу, участие которого в работе форума казалось тем более малозначащим, что на него прибыли такие выдающиеся личности, как поэты Виланд и великий Гете, входивший в свиту Карла Августа Саксе-Веймарского. Роль же Меттерниха была ограничена частными беседами с Талейраном в Париже перед открытием конференции. Талейран не был согласен с курсом Наполеона. Он приватно просил Меттерниха передать в Вену предложение кайзеру Францу предстать в величественной позе в Эрфурте с заявлением, что он готов бросить на «весы справедливости» 400-тысячную армию. Тогда кайзер смог бы морально разоружить Наполеона и Александра, а следовательно, сохранить мир. Штадион отнесся к этой идее безучастно, опасаясь, что появление Франца в Эрфурте без приглашения будет воспринято как прибытие на форум еще одного из вассалов Наполеона.

Внешне конференция представала как блистательный успех, вершина дипломатических достижений Наполеона. Прогуливаясь верхом на лошадях на публике в Веймаре с Наполеоном, Александр вел себя так, как ожидалось от него в запуганной Европе. Германские суверены возносили похвалы протектору без всякой меры. Все считали, что Австрия теперь настолько загнана в угол, что мир на континенте обеспечен. За месяц до конференции Наполеон омрачил ситуацию, потребовав мобилизации армии Рейнского союза. А теперь он разогнал тучи, приказав, чтобы войска вернулись в казармы. За кулисами дело, однако, обстояло иначе. Князя Рейнского союза, осознав свое значение для Бонапарта на данный момент, более решительно, нежели прежде, отвергли его рекомендации по реформированию союза. В результате Наполеон не только отказался от реформ, но даже удовлетворил встречные требования князей по распределению земель, не попавших под их контроль после

последней войны. А ведь французский император придерживал эти земли, чтобы иметь рычаг влияния на князей, неохотно проводивших реформы.

Александр тоже стал неуступчивым. Наполеон рассчитывал на совместный франко-русский ультиматум с требованиями разоружения Австрии, признания законности бонапартистских королевств в Испании и Сицилии, а также объявлением войны Англии. Царь не пошел на это, согласившись лишь поддержать Францию, если разразится война. Фактически он пошел вразрез с линией Бонапарта, заверив Винсента, что военные приготовления Австрии не вызывают беспокойства в России. У Винсента и Талейрана возникло впечатление, что в любом случае поддержка Александром Франции будет носить чисто номинальный характер. «Мне ясно одно, – сообщал в Вену Меттерних после свидания с коварным Талейраном, – итоги конференции в Эрфурте совершенно не соответствуют ее целям».

Через месяц после окончания конференции в Эрфурте события все еще развивались в благоприятном для Австрии направлении. Меттерних часто встречался с Талейраном и министром полиции Фуше, которые стремились к миру и стабильности так же, как и французский посол в Санкт-Петербурге Арман Коленкур. Меттерних находился под сильным впечатлением этих событий. Он считал, что Наполеона поддерживали только армейское ядро и незначительное число военных подрядчиков. Франция, утверждал Меттерних, «напоминает кратер разрушительного вулкана». К таким бодрым оценкам отнесся скептически даже Штадион. Он сделал выговор своему послу за чрезмерное доверие к информации Талейрана. Одно дело – платить мерзавцу за информацию, и совсем другое – верить всему, что тот сообщает. В Париже – как однажды в Майнце в студенческие дни – Клеменс Меттерних поддался влиянию ближайшего окружения.

Однако большая дальновидность не удержала Штадиона от использования доводов Меттерниха в Вене, где все еще нужно было убеждать кайзера и эрцгерцога Карла в правильности внешней политики. С этой целью, собственно, Штадион и вызвал Меттерниха в Вену для консультаций. Посла обрадовала как возможность отлучиться из Парижа в период временного затишья, связанного с отъездом Наполеона в Испанию, так и шанс повлиять на политику Австрии. Некоторое время Меттерних был основным доверенным лицом Штадиона, теперь же он становился чуть ли не заместителем министра иностранных дел.

В Вене, куда Меттерних прибыл в начале декабря, он представил три меморандума, подытожив свои наблюдения. В первом документе развивался тезис посла о том, что Наполеон утратил поддержку французского народа. Во втором меморандуме доказывалось, что из практических соображений Россия останется нейтральной, с добавлением, что «полное бездействие России по отношению к нам... более выгодно, чем бестолковая и малозначимая помощь... и день, когда нейтралитет России обозначится совершенно определенно, будет днем нашей победы». В третьем меморандуме содержался анализ боеготовности вооруженных сил Наполеона. Меттерних пришел к оптимистичному выводу, что Франция в случае войны способна выставить против Австрии не более 206 тысяч солдат, из которых 99 тысяч составляют солдаты сомнительной надежности из стран-союзников, 78 тысяч из государств Рейнского союза и 21 тысячу – из герцогства Варшавского. В целом численность вооруженных сил Рейнского союза составляла 118 500 человек, напоминал Меттерних, но воинские контингенты из Берга, Вестфалии и ряда небольших государств уже заняты в военной кампании в Испании и поэтому должны быть сброшены со счета. Выходило, таким образом, что Австрия с помощью союзников или без них обладала, как минимум, численным равенством с противником. Вот почему «мы должны, – по словам Меттерниха, – искать средства спасения в опоре на собственные силы».

К этим доводам Штадион прибавил собственную непоколебимую веру в идеологическую несовместимость между Францией и Австрией, а также тщательно сформулированную доктрину, рассчитанную на то, чтобы произвести сильное впечатление на кайзера и даже

на Карла. Предпосылка, что войны невозможно избежать, способствовала тому, что в мятущейся душе Карла сомнения были побеждены. Он справился только о дате начала войны. 10 декабря Штадион изложил контуры своего курса: предполагалось отложить дипломатические переговоры в Париже и Санкт-Петербурге до марта, а затем и вовсе их прекратить. Между 15-м и 20 декабря Карл и Одонел урегулировали свои разногласия относительно выплаты жалования войскам. 23 декабря Меттерних получил инструкции от кайзера. Послу надлежало заверить Наполеона в том, что Австрия все еще стремится к миру, но готова также к войне – этой линии он должен был держаться некоторое время. Позднее послу укажут, когда нужно будет занять более жесткую позицию. Если Наполеон хочет войны, он ее получит, если нет, Австрия сама навяжет ему войну. Если когда-либо и существовал план агрессивной войны, то это был как раз тот случай. Но разве можно было отрицать, что такая война имела все моральные основания? По возвращении в Париж Меттерних обосновывал это следующим образом: Австрию «нельзя порицать за то, что она не сдается, не дает связать себя по рукам и ногам, стремится обезопасить себя от первого удара». В беседе с русским послом Румянцевым он снова подчеркивает: «Войны проистекают не от первого выстрела... войне с оружием предшествует моральная война».

Однако если мотивировка войны состояла в самозащите, то ее цели были более амбициозны. Они заключались в изгнании французов из Центральной Европы. По этому вопросу разногласий практически не было. Даже сомнения Карла касались главным образом сообщений, что произойдет, когда австрийская армия выйдет на берега Рейна. «Золотой середины» не существовало. Франция, простиравшаяся до рек Инн и Висла, господствовала на континенте, Австрия была лишена свободы действий. В союзе с Россией она могла бы некоторое время с большим трудом поддерживать баланс сил. В союзе с Францией она способствовала бы миру в Европе, основанному на преобладании одной державы. Однако в любом случае Вена оставалась младшим партнером, используемым в интересах более сильного союзника. В создавшейся обстановке, однако, Австрия стояла не перед этим выбором, а перед альянсом фланговых держав против центра, что, как доказывал Меттерних Румянцеву, представляет угрозу миру в Европе, поскольку «исходя из элементарной предосторожности эти промежуточные государства не могут не испытывать беспокойства. Мир и беспокойство – совершенно несовместимые понятия». Только с установлением независимого центра Австрия могла бы успокоиться, а Европа жить в мире.

Подтекст высказываний Меттерниха в разговоре с Румянцевым состоял в том, что цель Австрии – восстановление равновесия сил в Европе. Однако это была не вся правда. Военные приготовления Вены все более приобретали характер кампании мести суверенам Рейнского союза. Впрочем, они и не могли быть другими. Прошло всего лишь три года со времени заключения Прессбургского мира, два с половиной года со дня основания Рейнского союза и менее чем год после принятия конституции Баварии. Психологически пока еще было трудно признать незыблемость нового социального и политического устройства в Германии.

Жажда мести выглядела естественной с учетом того, что к Меттернихам и Штадионам (Филиппу и его брату Фридриху), состоявшим на австрийской службе, все больше присоединялись беглецы из наполеоновской Европы. Некоторые из них укрывались в Австрии уже давно – например, Матиас фон Фасбиндер, жертва французской оккупации Трира, или Антуан фон Балдаччи, корсиканец по происхождению, германский националист, ставший тем не менее доверенным лицом кайзеров, начиная от Иосифа II. Но наплыв беженцев после Имперского эдикта и аннексий 1806 года был совершенно новым явлением. Вновь прибывшие обнаружили в Филиппе Штадионе ревностного сторонника предоставления им постов на государственной службе. Два армейских офицера, Штутерхайм (приятель Меттерниха по Берлину) и барон Август фон Штайгентеш, начинали свою карьеру на службе в Саксонии, в то время как третий офицер, граф Людвиг Георг фон Вальмоден, зять барона Штейна, был

беглецом из Ганновера. Еще один офицер, граф Максимилиан фон Мельвельдт из Вестфалии, с 1808 года служил в качестве посла в России. Барон Андреас Мериан фон Фальках, поверенный в делах Австрии в Карлсруэ, и барон Йохан Филипп фон Вессенберг, посланник в Касселе, а затем в Берлине, происходили из Брейсгау на Верхнем Рейне. Барон Генрих фон Круминен, шваб, представлял Австрию в Штутгарте, а барон Иосиф фон Буол-Шауенштайн, тиролец, был австрийским поверенным в делах в Дрездене. Тирольцами были также граф Антуан фон Тун и барон Иосиф фон Хормайр, служивший в качестве дворцового секретаря.

Все эти немецкие аристократы были сравнительно молодыми. Все они имели основания ненавидеть бонапартизм. Эти люди заново открыли страну, научились видеть в соотечественниках-немцах воплощение добродетели и достоинства, хотя прежде они видели в них всего лишь неграмотных крестьян, неотесанных ремесленников и представителей низших слоев общества. Подобно своему австрийскому современнику эрцгерцогу Йохану, изгнанники увлекались Генрихом фон Клейстом, Максимилианом фон Шенкендорфом, Эрнстом Морицем Арндтом и другими поэтами-патриотами того времени. В романтизме они черпали доводы для критики рациональных нововведений суверенов Рейнского союза и восхваления преемственности с прошлым. Они приветствовали эмигрантов из прусской военной среды, Отто Рюле фон Лилинштерна, Эрнста фон Фуля, генерала Фридриха фон Вестфалена и, наконец, знаменитого барона Штейна, который обращался к ним всем, когда говорил, что «заботливое обращение с несчастными германскими князьями продиктовано как интересами справедливости, так и разумной политики... и что в такой необычной войне, как эта, успеха можно добиться только посредством необычных мер».

Штадион с этим полностью соглашался. В начале сентября 1808 года он объяснял кайзеру, что общенациональная война необходима не только для Австрии, но также для народов Германии и других стран, завоеванных французскими узурпаторами». В соответствии с такими настроениями разрабатывались планы мятежей в Тироле, электоральном Гессе, в Брунсвике и Ганновере. Смещенный герцог Брунсвика с резиденцией в Силезии и выборщик Гессе, бежавший в Прагу с богатством, которое было накоплено за годы торговли солдатами-наемниками, обеспечили пункты сбора войск. Ожидалось, что Англия поможет деньгами и высадит экспедиционные войска с моря, Фридрих Штадион на случай вступления австрийской армии организовал свободную систему набора рекрутов, австрийские консульства в Ульме, Нюрнберге и Аугсбурге тайком занимались составлением списков добровольцев. Тироль, в частности, созрел для восстания, агент эрцгерцога Йохана барон Хомайр без труда вербовал рекрутов, во главе которых встал хозяин гостиницы в Инсбруке Андреас Хофер. На встрече этой тройки вскоре после возвращения Меттерниха в Париж были окончательно утверждены планы восстания, а его дата назначена на 12 марта.

Планы военной кампании базировались на двух предпосылках: во-первых, на активном участии Пруссии, которая неожиданно определила свою позицию на основе четких гарантий, данных в январе специальным эмиссаром Берлина, во-вторых, на нейтралитете России, который, судя по заверениям Меттерниха на Венской конференции, был обеспечен и который месяц спустя он оценивал как «ясный и математически выверенный». Чтобы убедиться в верности этих оценок, Штадион направил в феврале в Санкт-Петербург князя Карла Шварценберга, а в Берлин – барона Вессенберга. Россия, сообщил царь Шварценбергу, готова гарантировать неприкосновенность границ Австрии, дав аналогичные гарантии Наполеону, однако Александр просил австрийцев не предпринимать агрессии, ибо в этом случае он был связан обязательством выступить на стороне Франции. Единственная оговорка, которую царь сделал, заключалась в заверении, что даже если бы ему пришлось объявить войну, то и в этом случае он, по сообщению Шварценберга, сделал бы все, что было «в человеческих силах, чтобы воздержаться от войны с нами». Царь собирался действовать весьма медленно и избегать столкновений с австрийскими войсками. В Вене подоб-

ные гарантии сочли достаточными и миссия Шварценберга в Санкт-Петербурге была расценена как успех. Однако на Берлин позиция Александра произвела обратное впечатление. Незадолго до переговоров со Шварценбергом царь в том же духе давал заверения Фридриху Вильгельму, который воспринял их как серьезное предупреждение. Возвратившись в Кенигсберг, прусский король объявил свое решение. «Без поддержки России я не могу участвовать в войне», – заявил он обескураженному Вессенбергу, который теперь полагал, что только прямое обращение к народу спасет положение.

Несмотря на просчеты в своих планах, Штадион, уверенный в том, что лучшего времени не будет, решил не отказываться от войны и вести ее по собственному сценарию. Массовая армия, полная энергии и уверенности в справедливости своего дела, казалась прекрасной компенсацией отсутствия союзников. Она была поставлена во главу угла политики, она должна была или начать в ближайшее время войну, или подвергнуться роспуску из-за недостатка денег. Смелость и решительность в политике Штадиона граничили теперь с упрямством и фанатизмом. Так, он оставил без внимания предложение царя заключить соглашение о гарантиях, не придавал значения и прозрачному намеку, что Россия могла бы оставаться совершенно нейтральной, если бы Австрия воздержалась от агрессии, – он даже не озаботился поисками предлога для войны. Когда австрийские войска форсировали 10 апреля Инн, ничего оригинального в оправдание войны уже нельзя было сказать. Манифест Карла, написанный Фридрихом Штадионом, не содержал каких-либо конкретных обвинений в адрес Франции. Он провозглашал только, что «мы сражаемся за укрепление независимости австрийской монархии, за восстановление независимости и национального достоинства Германии». Аналогичным образом более обстоятельное заявление, написанное Генцем и опубликованное через две недели, хотя и было блестяще аргументировано, но скорее представляло собой перечень давних обид в отношении Наполеона, чем убедительное доказательство враждебных намерений со стороны Франции.

Два возражения были выдвинуты против опрометчивой ставки на войну, но ни одно из них не прозвучало из уст Меттерниха. Одним из возражавших был эрцгерцог Карл, который сомневался в успехе мятежей, в том, что Россия заслуживает доверия, что Пруссия изменит свой политический курс, а также в том, что можно добиться победы, если она этого не делает. Другое возражение исходило от Генца. В длинном меморандуме, составленном осенью 1808 года, он возражал против любой попытки возродить старый рейх. («Задумайтесь над вопросом: что должны делать в нынешних обстоятельствах Габсбурги, чтобы освободить Германию от иноземной власти?») Вместо этого, полагал он, следует убедить князей, что Австрия не намерена ни восстанавливать рейх, ни производить какие-либо изменения в сложившемся в Германии статус-кво. То, что Генц предлагал, не было просто пропагандой. Будучи на австрийской службе, он, чуть ли не единственный, вполне ответственно планировал послевоенное устройство Германии. Генц включил в свой меморандум проект конституции Германии, предусматривавший оборонительный союз суверенных государств, которые объединились бы на равноправной основе и действовали бы на основе решений большинства.

Документ получил заслуженную известность как предтеча Акта о Германском союзе 1815 года и, возможно, как стимул поведения Меттерниха во время войны 1813 года. Его же первоначальное значение – как руководства для австрийской стратегии в 1809 году – осталось незамеченным. В документе был опущен ненавистный устав Рейнского союза, регулировавший права аннексированных государств. Его место заняла четкая гарантия невмешательства во внутренние дела членов союза. В отличие от Бонапарта, который был протектором Рейнского союза, Австрии в новом союзе отводилась роль его участницы и партнерши, «первой среди равных». В то время как армии союза воевали в Испании и вооружались в Германии, Австрия гарантировала в пунктах о принятии решений большинством

и о нераспространении юрисдикции союза на территории своих членов, выходящих за пределы объединения, что она не станет вовлекать своих партнеров в чуждые им войны. Короче говоря, во всех вопросах, кроме обороны, Австрия действовала бы в строгом соответствии с уважением принципов нейтралитета третьей Германии и невмешательства в ее внутренние дела. Неизвестно, стремился ли Генц в обхаживании германских государств целенаправленно переиграть Александра, равно как и Наполеона. Важно, однако, что этот ранний призыв к мягкому обращению с германскими государствами сопровождался крайней осторожностью в отношении восточной державы. «Бездействие России, – увещевал Генц, – не просто безразлично, но желательно для нас. Прямая помощь от этой державы нанесла бы ущерб доверию, которое Австрия стремится завоевать в Германии больше всего... она открыла бы путь опасным претензиям». Таким образом, Генц соглашался с Меттернихом, но не с Карлом, во мнении, что Россия в данный момент не представляла большой опасности.

Интересно то, что Генц, выходец из Пруссии, не был аннексированным аристократом. В противовес его здравомыслию рейхсграф Клеменс Меттерних срывался на крик в призывах к войне, поскольку он воспринял всерьез совет Талейрана, данный Австрии, – напасть на Францию раньше, чем завершится война в Испании. Какой бы довод ни использовала слабая Австрия для оправдания дружественных отношений с всемогущей Францией, сильная Австрия не могла выносить угрозу Бонапарта династии Габсбургов. Если бы австрийская монархия снова проиграла, Богемия превратилась бы в «государство-данника – как Бавария», Австрия получила бы в губернаторы французского маршала, а Венгрия, возможно, не сохранилась бы «объединенной, как отдельное государственное образование». Но Австрия не должна была проиграть. По сравнению с 1805 годом Франция выглядела слабее в моральном и финансовом отношении, Австрия же гораздо сильнее. Вместо следования «советам кабинета (то есть России), который доказал, что не способен управлять, мы теперь вправе думать сами». Не на слабых армиях, а на слабом руководстве лежала вина за прежние поражения. Теперь мы стоим перед «необходимостью вести войну и диктовать мир, как он (противник) это делает». Поэтому «давайте сражаться с врагом его же оружием, давайте отправим в этой игре шары на его половину». Предпринимая наступление до первого пушечного выстрела противника, не связывая свои цели локальными успехами, «давайте извлечем выгоду из нашей силы и не будем забывать о том, что 1809 год – последний год старой и первый год новой эры».

Эти слова звучат весьма воинственно. Даже если принять во внимание, что они произносились в пропагандистских целях, ибо Меттерних понимал значение пропаганды, что они произносились потому, что Штадион ожидал от его депеш пристрастия, нет оснований сомневаться в искренности Меттерниха. Своей убежденностью в том, что прошлые поражения обусловила ошибочная стратегия и что правильные методы ведения войны – методы самого Наполеона – обеспечат победу, он разделял взгляды братьев Штадион, эрцгерцога Йохана, Гнайзенау, Шорнхорстов и Бойенсов в Пруссии и прежде всего Штейна. Разделял ли он также их взгляды на германскую проблему? Это вопрос чрезвычайной важности, поскольку от ответа на него зависело отношение Меттерниха к героям войны за освобождение через четыре года. К сожалению, на этот вопрос нельзя ответить определенно: слишком мало фактов. Депеши из посольства в Париже в первые месяцы 1809 года не содержат ни одного важного разговора с представителями правивших дворов государств Рейнского союза, кроме того, что Меттернихом предпринимались попытки привлечь их на сторону Австрии. Ввиду свободы действий, которой Меттерних пользовался на своем посту, и близости к Штадиону, молчание по этому поводу может означать лишь то, что он считал дезертирство участников Рейнского союза из лагеря Наполеона невозможным, вероятно, даже нежелательным. Не то чтобы он недооценивал силу германских воинских контингентов. Он постоянно давал достоверную информацию об их численности и перемещениях. Содержа-

ние его венского меморандума от декабря 1808 года в целом соответствовало оценкам Дворцового военного совета, что придает ему особую важность. Исходя из этого факта можно сделать по крайней мере вывод о том, что Меттерних, подобно Штадиону, считал само собой разумеющимся участие в войне войск Рейнского союза на стороне Наполеона и не предпринимал попыток изменить ситуацию.

С другой стороны, нет никаких свидетельств о повстанческом движении в Германии и указаний на то, как Меттерних оценивал перспективы успешного восстания или формирования корпусов свободы на территории Германии. Ближайший намек на это заключается в замечании Талейрана, которое Меттерних с удовольствием цитирует: «Вся Германия поддерживает вас». Под Германией Талейран подразумевал народ страны, но отнюдь не князей. Сам Меттерних высказался в аналогичном духе, когда началась война. По его словам, в отличие от обстановки 1805 года, «делами Австрии занят теперь весь народ вплоть до берегов Рейна». На основании этих случайных замечаний трудно прийти к определенному выводу. Проавстрийское общественное мнение заслуживает упоминания даже тогда, когда оно не способно сделать ничего большего, кроме как компенсировать эффективность действий противника, которой Меттерних, видимо, опасался больше всего. Когда до него доходили «правдивые или ложные слухи» о «народных восстаниях» в Северной Германии, он, вероятно, воспринимал эти события как стихийные или случайные, которые заслуживали внимания лишь потому, что мешали членам его семьи вернуться в Вену.

Но возможно, мы слишком строги в требованиях документального подтверждения своих версий. Диппочта между Веной и Парижем была неподходящим средством для обсуждения чувствительных проблем, выходивших за пределы компетенции Меттерниха. Все другие факты слишком явно свидетельствуют о его горячей поддержке программы Штадиона, чтобы оставлять сомнения в их единомыслии по основным проблемам. Несомненно, деятель, который так красноречиво выступал за мобилизацию внутренних резервов Австрии для ведения народной войны, не стал бы стесняться в средствах для поощрения революционного движения в Германии. Если он явно не поддерживал там заговоры, то и не осуждал их. Его послевоенные выпады были направлены не против Штадиона, но против скептически настроенного эрцгерцога Карла, который, в свою очередь, помещал Меттерниха в один ряд с братьями Штадион как главными виновниками несчастий Австрии. В австрийской внешней политике, сокрушался Карл позднее, господствовали деятели, пострадавшие от Наполеона, которые «сочувствовали жертвам его политики даже на иноземной территории». Они цеплялись за «предвзятые мнения, избегали серьезных дискуссий и вместо разумных доводов пользовались остротами и разными трюками...». В общем, было бы справедливо сделать вывод, что Меттерних, хотя, возможно, и отличался меньшим доктринерством и сентиментальностью, чем другие германские беженцы, все же был одним из них, рейхсграфом, одержимым лихорадкой освобождения Германии.

В связи с тесными связями Меттерниха с общенародным подъемом в Австрии в 1809 году крайне важно установить истинную природу этого подъема. Некоторые историки усматривали в военной программе Австрии революционный крестовый поход под знаменем подлинных национальных и либеральных идеалов. Этот вывод подкреплялся радикальной риторикой руководителей военной кампании – восхвалением свободы, обещаниями восстания и реформирования государственных ассамблей, экстравагантными апелляциями к народным «добродетелям», поддержкой заговорщиков в Германии. В дальнейшем следует признать само собой разумеющимся, что аристократы-изгнанники, собравшиеся вокруг Штадиона, принадлежали к гораздо более просвещенной и энергичной когорте людей, чем их отцы, старшие братья и кузены, которые сосредоточились с мрачной решимостью на возвращении своих поместий и не нашли ничего лучшего в 1814 году, когда настало время их

торжества, как предложить реставрацию их прежнего положения с буквально расписанными своими правами, в частностях и в целом.

Любая реставрация, однако, является реформой, по крайней мере в той степени, в какой она стремится ликвидировать причины первоначальной катастрофы. Но способны ли были на реформы люди, рисковавшие имуществом и самым образом жизни, не имевшие возможности выполнить взятые на себя обязательства, остается весьма проблематичным. Главное – отсутствовало согласие по вопросу о том, что представляет собой нация. Фридрих Штадион, Штейн и эрцгерцог Йохан смутно представляли себе германскую нацию как совокупность людей, объединенных общей культурой. Однако большинство других деятелей, включая Филиппа Штадиона и Меттерниха, усматривали в ней народ, который, как и в других государствах, противопоставлен власти. Для них так называемый национализм существовал в реальности в виде провинциального патриотизма, выработанного неприятием централистской и бюрократической практики бонапартизма, или в виде острой ностальгии по старому рейху, тоски по учреждениям, неожиданно приобретшим романтический ореол, после того как они перестали существовать. Например, из Хормайра и Андреаса Хофера вряд ли могло получиться что-либо иное, кроме стойких борцов за автономию Тироля – таких Вильгельмов Теллей позднего времени. В основе германского национализма того времени, подобно его польскому варианту, лежало кредо аристократов, которые жили мечтами о прошлом – в одних случаях 1803 годом, в других – 1772-м. Хотя национализм в некоторых отношениях и ориентировался на реформы, он все-таки мало напоминал этический национализм и либерализм среднего класса более поздних поколений. Поступало мало серьезных предложений о преобразовании корпоративных земств в современные парламенты, упразднении крепостного права или радикальном изменении социальной и экономической организации феодального поместья.

Наоборот, в отношении аристократии разного статуса проявлялась чрезвычайная заботливость, в том числе к суверенам всеми поносимого Рейнского союза. За исключением явных узурпаторов чужих владений, герцога Берга и короля Вестфалии, всем князьям разрешалось сохранить, как минимум, свои «наследственные земли», а некоторые (подобно самой Австрии) могли сохранить за собой вознаграждения в виде церковных владений, полученные по Имперскому эдикту. В этом смысле «легитимные» претензии подопечных Наполеона могли быть совмещены с процессом реставрации аннексированных владений. В самом деле, инструкции, с которыми в 1809 году Валмоден прибыл в Лондон, а Шварценберг – в Санкт-Петербург, совершенно определенно провозглашали целью Австрии «восстановление законных прав каждого собственника на владение земель, принадлежавших ему до времени узурпации Наполеона».

Что касается Германии, то трудно избежать впечатления, что конечной целью Штадиона была реставрация старого рейха. Ни он, ни кто-либо еще из его окружения не составил плана на будущее, сравнимого с тем, который составил Генц. Почему? Потому что в Австрии не было нужды будоражить умы, потому что разговоры о неминуемой реставрации способствовали бы лишь укреплению связей суверенов Рейнского союза с Наполеоном, потому что они лишь укрепляли бы стремление Пруссии к соблюдению нейтралитета. Вследствие этого заявления, исходившие из дворца Хофбург, отличались уклончивостью и противоречивостью. Манифест в связи с объявлением войны подтверждал, что кайзер никогда не будет «вмешиваться во внутренние дела других государств или позволять себе выносить оценки их системам управления, правовым нормам, административным решениям, программам развития вооруженных сил». Но манифест не гарантировал суверенитета государств союза, не дезавуировал намерения восстановить рейх, на чем настаивал Генц. Вместо этого в документе роспуск рейха расценивался как одно из преступлений Наполеона, как причина войны и еще кое-чего, с чем Австрия была вынуждена временно примириться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.